

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

Голая королева



ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Голая королева

«ЭКСМО»

Гармаш-Роффе Т. В.

Голая королева / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», — (Частный детектив Алексей Кисанов)

ISBN 978-5-699-20458-8

Роман по-голливудски масштабный. У известного издателя Александра Мурашова исчезает жена. Все говорит о том, что Алина сама ушла от мужа... Но на самом деле она в плену у бывших друзей, решивших поживиться за счет ее богатого супруга! Одержимые наживой дилетанты очень опасны - готовы на все ради денег. Только у одного из них, Филиппа, бывшего любовника жертвы похищения, другая цель – заставить Алину целиком и полностью принадлежать ему... Этот роман с двойным дном - с двойной концовкой, необычной и непривычной для читателя. «Голая королева» имела успех за рубежом. Во Франции в 2000 году популярнейшее издательство "Робер Лаффон" выпустило книгу-римейк этого романа с другим названием, который стал самым продаваемым бестселлером – роман был издан в 30 странах мира.

ISBN 978-5-699-20458-8

© Гармаш-Роффе Т. В.

© Эксмо

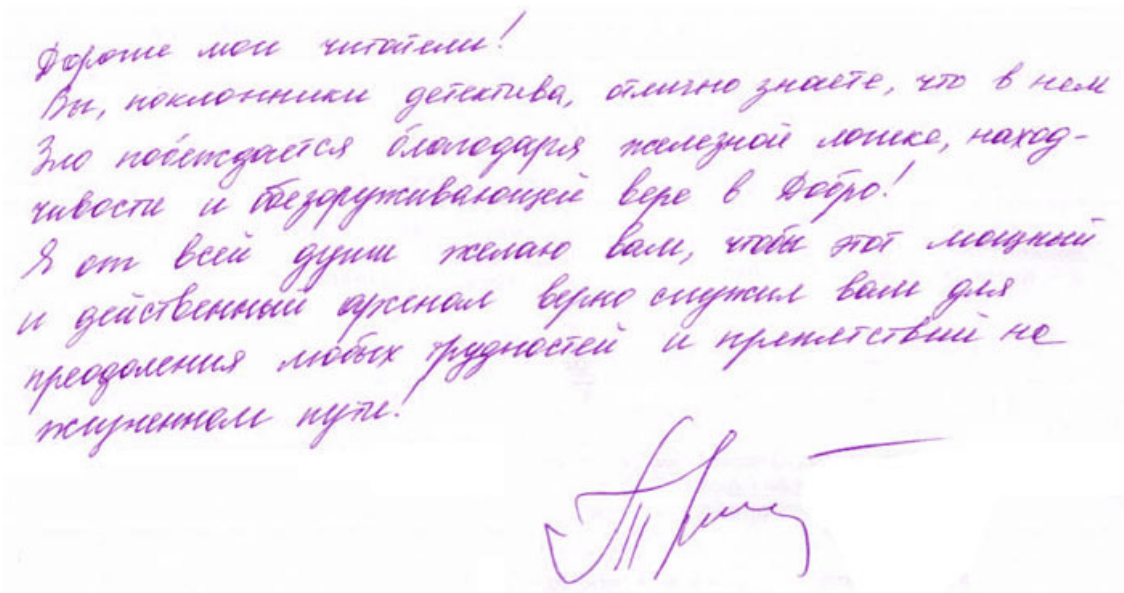
Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	48
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Гармаш-Роффе

Голая королева

Автор благодарит за консультации менеджера бутика Картье
Елену Смолову и сотрудника банка Людмилу Глуховскую



Часть I

Глава 1

«Есть люди, которые решают, и есть люди, к которым решения приходят. Я принадлежу явно к последним...»

Аля смотрела в экран телевизора, где весело смеялись какие-то люди. Она попыталась понять, чему они смеются, но так и не сумела.

Она устроилась перед телевизором, подобрав ноги под широкую юбку, в большом кожаном кресле. Рядом с ней на низком столике, как обычно, стояло блюдечко с шоколадным печеньем и чашка с холодным лимонным чаем.

...Решение пришло к ней само, внезапно, под этот глупый смех. Пришло неизвестно откуда, словно спустилось из воздуха, и стало внятным и слышным ее сознанию. Теперь она с недоумением оглядывала последние три года своей жизни: три года неясной скуки и невнятной тоски, три года странной рассредоточенности, словно ее душа была растащена и приворожена по углам этого большого дома, дома делового мужчины, в котором она так и не нашла себе места; три года без прошлого и без будущего, потому что прошлое она безжалостно перечеркнула, а будущее ей виделось как сквозь толщу воды – таким же смутным и гнетущим.

Так в принципе можно было жить, думала Аля, изо дня в день, всегда «сегодня». До тех пор, пока вдруг не поймешь, что и завтра будет так же. И что если ты ничего не изменишь в своей жизни, прямо сейчас, немедленно, то тебе придется жить так всю твою жизнь.

Всю! И вот тут ты отдаешь себе отчет, что не согласна. Вот тут к тебе приходит решение. И даже если тебе страшно, поделаться уже ничего нельзя. Решение дышит в затылок, решение требует выполнения, и у тебя в запасе нет никаких доводов, чтобы от него уклониться.

То есть, проще говоря, надо уходить от Саши.

Аля резко поднялась из кресла, будто желая прогнать нахлынувший на нее страх – перед будущим, перед неизвестностью; выстрелив пультом во все еще хохочущих людей, она сказала громко:

– Я хочу спать, Алекс...

«Алекс». Все его знакомые звали его так. А ей хотелось называть его Сашей, как зовут всех нормальных Александров. Но когда она впервые назвала его Сашей, он удивленно и недовольно приподнял брови. Ничего не сказал, это правда, но она поняла. И стала звать его, как все: Алекс.

– ...я пойду к себе, – добавила она.

Ей хотелось поскорее донести свое решение, не расплескав, до своей комнаты и там, оставшись наедине, обдумать его хорошенько. «Другие, нормальные люди, сначала думают, потом решают. У меня же все ровно наоборот: я сначала решаю – потом думаю...» – вздохнула она, направляясь к лестнице.

– Спокойной ночи, Лина. Я найду тебя поцеловать. У меня столько работы...

«Как всегда», – подумала Аля.

Алекс отложил в сторону диапозитивы, которые рассматривал на свет, и обернулся.

– Послезавтра наша трехлетняя годовщина. Ты не забыла, дорогая?

«Дорогая», «дорогой». Так обращаются друг к другу в пьесах из западной жизни. Но ей надоело жить в пьесе.

– Не забыла, – произнесла она, держась за перила.

Аля вдруг поняла, почему к ней пришло решение: годовщина! Когда он две недели назад заговорил об этом, она впервые со всей ясностью ощутила, что ей не по силам этот юбилей, что

справлять им нечего, что в их душах так же пусто, как в этом огромном доме, где нет ни зверя (потому что у Алекса аллергия на животных), ни ребенка (потому что Алекс не хочет «пока»).

– Купи себе новое платье, хочешь? – Алекс снова завертел перед глазами слайд. – Знаешь, купи-ка себе сиреневое. Поищи завтра. С открытой спиной... Я прямо тебя вижу в нем... Оно так пойдет к твоим фиалковым глазам... А?

– Ты меня видишь в нем? Это нормально.

– ?

– Я его уже купила. И надевала на твой день рождения. И на прием на вернисаже американских авангардистов. И оно мне уже успело надоесть.

– Ах да, действительно! Извини, дорогая, так много работы...

– Не страшно. Я понимаю. Я куплю себе другое платье.

– Конечно-конечно, у тебя прекрасный вкус!

«Я его не просто не люблю. Я его ненавижу. Он у меня вызывает отвращение. Мне иногда хочется залепить ему пощечину, чтобы сбить с него эту маску вечного и вежливого благодушия, чтобы он растерялся, чтобы что-то нормальное, человеческое, естественное проступило наконец на этом холеном лице! И «Лина» – он по-прежнему зовет меня «Лина», как безоговорочно называл меня тогда, в первый день, когда я ему представилась: Алина. А я – Аля, как звала меня мама, мягко, нежно, домашне; как звали меня друзья... Впрочем, про друзей лучше не надо», – она отчего-то поежилась.

– Так спокойной ночи, Алекс.

Уходя, она оглянулась. Она увидела затылок мужа с короткими завитками волос, абрис его хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, и ее догнал его бархатный баритон:

– Спокойной ночи, дорогая!

«Почему я не могу любить его? – думала Аля, поднимаясь к себе в комнату, в свое убежище, полное света, цветов и пастельных тонов. – Что не так, что не срабатывает? Он хорош собой, и многие женщины на него заглядываются. Он всегда внимателен, предупредителен, любезен. Он даже «секси»... – шагала Аля по ступенькам, рассеянно глядя на рисунок покрывающего их ковра. – Но все это какое-то ненастоящее. Как бы только дань моде, правилам приличия; имидж, роль. Меня он не любит и не любил никогда. Потому что у него вообще нет потребности любить, ему это просто не нужно. И дело не в возрасте – хоть разница у нас большая, но что такое сорок два года для мужчины? Ничего».

Был ли у него кто-то в прошлом, отучивший его любить? Любовная драма, предательство, измена? Воображение Али принялось рисовать портрет таинственной роковой женщины, разбившей сердце юного Алекса... Но эскиз удался с трудом, ее воображение не справилось с сюжетом любовной трагедии, где главную роль мог бы играть ее муж.

Что же тогда сделало его душевным импотентом и даже почти импотентом физическим? То есть не то чтобы импотентом, и даже, конечно, нет; но сексуальная сторона их жизни его так мало интересовала, что их физическую близость трудно было назвать иначе, как выполнением супружеского долга.

Разве я не привлекательна, спрашивала Аля у своего отражения в зеркале на туалетном столике спальни, разве я не хороша собой?

Отражение подтверждало, что хороша. Для полной убедительности Аля сняла очки – на нее из зеркала глянули большие серо-голубые глаза, которым немного расширенные черные зрачки действительно придавали легкий сиреневый оттенок. «Фиалковый», как говорил Алекс... Она сдула волнистую прядь светлых, немного пепельных волос со щеки, прядь взлетела, потом легла, послушно обняв нежный овал лица.

«Разве я не заслуживаю, чтобы меня любили? – искала поддержки у зеркала Аля. – Чтобы меня хотели? – Ее глаза начали наполняться слезами, и в их расплывчатом тумане она увидела,

как у ее отражения покраснел нос, отчего себя стало еще жальче. – И если ты не можешь, «дорогой», – зло передразнила она интонацию мужа, – то нам с тобой придется расстаться».

Аля, охваченная внезапным вдохновением, уже писала, и ручка ее летала по бумаге: «И, я надеюсь, ты сможешь меня понять. Мы друг друга не любим, так уж получилось. Это не наша вина, и не в нашей власти это изменить. Но согласись (она написала «дорогой» и зачеркнула), всю жизнь так продолжаться не может, и лучшее, что мы можем сделать, – это разойтись поскорее, дав друг другу свободу. И тем самым шанс быть счастливым: то есть любить и быть любимым...»

Какое-то время она сидела, уставившись невидящим взглядом на свое письмо, затем, глянув на часы – было почти половина одиннадцатого вечера, – спохватилась, вскочила, бросилась в соседнюю маленькую комнатку, служившую ей гардеробной, схватила приготовленный там заранее объемистый пакет и устремилась к дверям. Внезапно она вернулась, вырвала из склейки почтовой бумаги страницу с письмом и, сунув его в карман, вышла из комнаты.

Бесшумно спустившись по лестнице, она прошла незамеченной мимо раскрытой двери кабинета Алекса, пересекла гостиную, вышла в сад и растворилась в летней ночи, густой и пряминой.

Глава 2

...Теплую, уютную темноту ночи пронзило холодным стержнем звонка. Сон, отступая и клубясь, повис на нем, как белье в итальянском дворике.

Вскочив, Алексей раздраженно схватил со стола оружий телефон и направился обратно к постели, сунув мимоходом свой нос в щель между плотными занавесями. Серая предрассветная невнятица, стывшая за окном, усилила чувство острой неприязни к тому, кто разрушил интимный покой его сна. Телефон трясся и захлебывался в его руке. Выразив одним энергичным словом все, что он думал о своем неведомом абоненте, Алексей снял трубку:

– Алексей Кисанов слушает.

«А что же еще, – думал он, зарываясь с телефоном обратно в дышащую теплом постель, – не говорить же «Детективное агентство АКИС». Я вам, черт побери, ночью не агентство, я вам ночью просто спящий Кис, и все тут».

– Добрый вечер, – раздался в трубке глубокий баритон, – то есть, извините, наверное, доброе утро... Говорит Александр Мурашов. Я еще раз прошу вас извинить меня (он разбудил меня, чтобы извиняться? – раздраженно подумал Кис), я вас, наверное, разбудил (мне нравится это «наверное»!), но у меня неотложное дело... Я бы вас попросил взяться за него, и незамедлительно. Могли бы вы сейчас приехать ко мне?

Алексей знал по опыту, что бывают действительно дела «незамедлительные», хотя дела такого рода чаще всего касаются милиции, а не сыскного агентства, но он знал также, что бывают дураки, паникеры и даже шутники. Впрочем, последнее исключалось: имя Александра Мурашова кое о чем ему говорило. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

– Вы мне не сказали, в чем, собственно, дело?

– Я не хотел бы говорить по телефону. Прошу вас, приезжайте.

– Послушайте, вы будите меня среди ночи и просите приехать к вам – то есть прощай сон окончательно и бесповоротно – и не хотите дать мне возможность самому судить о срочности вашего дела? В таком случае я не поеду.

– Я заплачу вам, хорошо заплачу.

– Конечно, заплатите, причем по двойному тарифу. Если я соглашусь.

– Заплачу, сколько скажете. Только приезжайте.

– Я повторяю свой вопрос. Мы теряем время.

– Хорошо. У меня украли жену.

– Украли?

– Ну, пропала. У меня пропала жена.

– Когда?

– Три с половиной часа назад.

– Послушайте...

– Я думаю, что ее украли.

– Обратитесь в милицию.

– Мне пока нечего сказать милиции. В таких случаях милиция, сами понимаете...

Кис помолчал. Что правда, то правда, милиция не станет искать совершеннолетнего человека, пропавшего три часа назад...

– А почему вы обратились именно ко мне? – все еще упрямылся Кис.

– Ваше агентство седьмое в справочнике и первое, которое мне ответило в такой поздний час... Я вас очень прошу, – тихо добавил Мурашов.

– Ладно... – проворчал детектив. – Диктуйте адрес.

«Детективное агентство АКИС» существовало в лице самого Алексея Кисанова, которого со времен его нежного детства друзья звали Кис (откуда и взялась аббревиатура АКИС), и его помощника Вани, симпатичного студента-прогульщика юридического факультета МГУ, у которого «хвостов» было больше, чем отметок в зачетке. Располагалось же это предприятие, столь торжественно названное «агентством», в добротном старом желтом доме на Смоленской, в трехкомнатной квартире самого Киса. Ваня жил в самой маленькой комнате его большой квартиры, доставшейся Кису по наследству, – таким образом Кис платил своему помощнику за не очень пыльную работу, которую поручал ему время от времени. В третьей же комнате и находилось само агентство: архивы, материалы, папки, компьютер...

После одного нашумевшего дела, которое Кис блестяще провел, его стали приглашать в «высшие сферы», и тогда же он решил собирать впрок всю доступную информацию об известных людях. Идея была плодотворной, и его картотека с тех пор уже не раз сослужила ему добрую службу. Именно туда теперь и направился Кис, выпроставшись из теплой кровати и нащарив тапки. Включив свет, он быстро просмотрел все, что у него было на Александра Мурашова.

Выловленная информация была следующей: Александр Мурашов, сын известного военного дипломата, писателя и бывшего главного редактора издательства «Честь», которое тихо и благополучно просуществовало в течение всех советских лет, выпуская книги о славных советских разведчиках. Писатель, он же главный редактор, скончался несколько лет тому назад, увенчанный всеми возможными советскими и перестроечными лаврами, успев, однако, обеспечить своему сыну связи и карьеру.

Впрочем, карьера Александра была достаточно противоречивой. До того, как занять пост главного редактора, его отец выполнял дипломатическую миссию сначала в Германии, затем во Франции, и маленький Саша, проведя безоблачное детство за границей, по-русски говорил хуже, чем по-немецки и по-французски. Выйдя в отставку, отец Алекса занял пост главного редактора, а Мурашов-младший пошел учиться в престижную французскую спецшколу в центре Москвы, известную своими вольными и фривольными нравами, учась одновременно в художественной школе. Попав прямым ходом после школы в МГИМО, Мурашов не забыл свою тягу к искусству и, получив диплом, отправился, при содействии папочки, во Францию в Академию изящных искусств. Вернувшись оттуда через три года, он окончательно забросил столь престижный диплом МГИМО и стал рисовать иллюстрации к книгам, на чем сделал себе имя, весьма известное в художественных кругах. Просуществовав в качестве талантливого художника-иллюстратора лет десять, Александр Мурашов вспомнил в годы перестройки и о других своих талантах и знаниях и ныне возглавлял крупное издательство «Экслибрис», выпускающее дорогие и превосходно сделанные книги по искусству. Никаких особых сплетен в прессе на его счет не было, скандалов за ним не водилось, интервью он давал редко и деловито, без шуток, пошлых хохм и подробностей из личной жизни.

Однако у Киса кое-какие подробности были.

После его успеха с нашумевшим делом Кис «пошел по рукам». К нему уже обращались не только как к детективу, но и приглашали в качестве экзотического гостя, на телекинотусовки. Кис охотно откликался, и не без умысла: пьяный застольный треп звезд всех экранов для него тоже служил источником информации, которую он бережно доносил в своей памяти до компьютера и заносил в хитроумно классифицированный Ванькой файл «Сплетни».

Насчет Мурашова сплетен было мало – он все же принадлежал к другому, хотя и близкому кругу. Однако однажды речь о нем зашла.

Разговор начал подвыпивший ведущий одной из популярных телеигр, в квартире у которого была тусовка. Он долго хвастался своими успехами и знакомствами, и Кис уже почти перестал слушать его треп, как вдруг навострил уши: кажется, пошли имена.

– ...И спонсоры у нас – люди солидные, – говорил заплетающимся языком его собеседник. – Де-е-е-нежные люди.

– Нежные? – переспросил Кис несколько ехидно.

– И нежные тоже... Обидеть их легко, – многозначительно откликнулся хозяин квартиры. – Хорошие люди, – он потянулся к Кису чокаться стаканом виски. – Директора банков, фирм строительных, нефтяных... Крупных фирм, слышь ты! Мишка Трофимов, Васек Щеголов, а? Тебе это кое о чем говорит, а?

И он начал сыпать именами, называя их уменьшительно, самых известных по величине состояния людей в Москве.

«Кажется, – подумал Кис, – у этого малого крыша совсем съехала от почтения к дензнакам, которые летали вокруг него». Хотя «малый» был и сам далеко не беден, ездил на «мерсе», жил в чудненькой квартирке на Чистых Прудах. «Квартирка» уходила за горизонт анфиладами комнат, в интимно-прокуренной бесконечности которых растворялись многочисленные гости. Болтливый хозяин похвастался, что прикупил соседнюю и из двух сделал одну.

– Давай за хороших людей, – чокнулся хозяин, расплескав виски. – Что бы мы без них делали в нашей жизни!

– Правильно, – сказал Кис, чтобы что-нибудь сказать. – Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Это ты в точку заметил. Надо только приписать к поговорке конец: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей, и тогда у тебя будет сто миллионов!»

Довольный своей шуткой, хозяин заржал.

– Тогда еще надо приписать: «...и тюрьма в перспективе», – мрачно заметил Кис, но без осуждения: его задачей было не читать мораль, а раскрутить хозяина на разговор – так, на всякий случай. Может, пригодится.

И пригодилось. Потому что как раз тут его собеседник заговорил о Мурашове:

– ... Ты думаешь, мафия? Мафия – оно конечно. У нас сейчас каждый, кто богат, – мафия. Такое, понимаешь, уравнение: деньги – равно мафия... Это все лохи, которые вовремя не подсуетились, теперь так рассуждают. От зависти все это, друг мой детектив, у нас народ завистливый... А вот у меня в спонсорах есть люди вполне безупречные. Про издателя Мурашова слышал?

Кис тогда еще не слышал, но кивнул утвердительно.

– Он сам в люди вышел. Папочкины связи, правда, сильно помогли, но не воровал.

– Ага, сам не воровал. Только чужие деньги отмывал. Все они в издательствах денежки отмывают, – прикинувшись пьяным, провоцировал его Алексей в надежде услышать подробности.

– Не угадал, дружище. Ты, я понимаю, человек простой, дефектив, то есть – совок. И судишь как совок. Сам бы небось рад великим мира сего услужить, а хоть бы и денежки отмывать, да тебе не предлагают. Вот и воняешь, как все совки: мафия, воры, грязные деньги...

– Щас в морду дам, – произнес Кис.

Пьяный хозяин посмотрел на него внимательно затуманенными глазами и понял: и вправду даст. Посему, напрягая растекающиеся мозги, все же сменил тон:

– Ладно, не обижайся. Пошутил я.

Кис царственно кивнул, принимая извинения.

– Я ведь рассуждаю по-простому, – задушевно пояснил Кис, все еще надеясь услышать от собеседника что-нибудь интересное. – На издательство нужен капитал, так? А капитал откуда берется? Ну ты ж не будешь мне заливать, что он из советской зарплаты скопил деньги-то? Тот и оно. Деньги он получил большие и грязные, такой вот обмен услугами для взаимного удовольствия: мы тебе капиталец для твоего баловства, а ты нам – большую стирку, а то купюрки наши что-то пахнут плохо, подванивают... А ты мне тут пытаешься впаять, что Мурашов твой – не мафия! Честнейший человек, да? Оттого ты за него так обиделся?

– А вот попал ты, детектив, пальцем в ж... В его издательство какая-то западная фирма деньги вложила, ради искусства – ты чего в искусстве понимаешь? Ни бум-бум? Ну и не возникай тогда.

– Мне-то что, я не возникаю. А вот рэкетеры, должно быть, в искусстве понимают. Пришли, глядят – искусство! – и зарыдали от умиления, сопли по щекам размазали и домой пошли восвояси, приговаривая просветленно: какой Мурашов человек хороший да какой художник талантливый! Не будем обижать его, ведь это человек искусства!

– Зря ехидничаешь, между прочим. За «крышу» он, конечно, платит, без этого нынче никак нельзя, а вот «грязные» через него не идут...

– Ага. И он до сих пор жив.

– Эксель-моксель, да ты ж не понимаешь ничего в этих делах! Чего ты лезешь, знатока из себя строишь! Что ты про мафию знаешь? Ты в детективы откуда подался? Из ментов небось?

Кис кивнул утвердительно.

– А туда же, судить-пересудить. Это ж не сопляки-уголовники, это ж солидные люди, с понятием! Они с Мурашовым и поладили...

– Как это? – недоверчиво удивился Кис.

– А так, дорогой мой мент-дефектив: поладили! У него отец кем был? Генералом! Военным атташе!

– И что? – тупо посмотрел на него Кис.

Телевизионная знаменитость даже откинулась на стуле, чтобы получше рассмотреть такого тупого детектива. Насладившись созерцанием, во время которого Кис с самым честным глупым видом моргал ресницами, звезда голубого экрана довольно пояснила:

– А то, что друзья отца – это всё генералитет! Высокопоставленные люди! И Алекса Мурашова опекают. Как-то они там столковались... А уж как именно – не имею чести знать. Ладно, что с тобой время терять. Ты не обижайся, детектив, это я спяну. Не обижайся, слышь? Будем дружить. Еще, глядишь, пригодимся друг другу. Не имей сто рублей, а имей сто друзей...

С этими словами он поплелся собирать своих разбредшихся гостей для очередного тоста.

Перечитав заложенную в компьютер информацию, Алексей довольно улыбнулся: как знал, когда просиживал, скучая, всю эту пьяно-безрадостную вечеринку, что окупятся его старания! Если жену Мурашова действительно похитили, то он будет знать, в каком направлении копать: у «безупречного» Мурашова наверняка найдутся делишки, которыми он нажил себе немало врагов!

Последняя страничка в его файле на Мурашова была короткой: он ввел при помощи сканера попавшуюся ему когда-то статью. О его свадьбе с некоей Алиной Дементьевой издатель интервью не давал, но в журнальной статье цитировалась его реплика. На вопрос журналистов о биографии его будущей жены он якобы ответил: «Посмотрите на нее – вы увидите ангела. А разве у ангелов спрашивают биографию?» Автор журнальной статьи, стараясь вытащить хоть что-нибудь сенсационное, также писал, что это «романтическая история», «любовь с первого взгляда» и что о предстоящей свадьбе было объявлено меньше чем через два месяца после знакомства.

Разглядывая журнальные фотографии, на которых была запечатлена Алина Мурашова, Кис нашел, что в этом нет ничего удивительного. У нее было действительно ангельское лицо.

Да только Кис в ангелов не верил.

Глава 3

Мурашovy жили за городом на даче. Поселок находился недалеко от Москвы и был известен роскошными дачами с гектарными участками, которые Сталин дарил танцорам и певцам Большого в тридцатые годы. Теперь там жили не только и даже вовсе не звезды оперы и балета, и старые уютные деревянные дачи сменились дорогими и безвкусными кирпичными особняками.

Сорок пять минут спустя Кис уже подъезжал к очаровательному трехэтажному дому Мурашовых. «Не зря мужик занимается искусством, – подумал Кис, – домишко со вкусом построил». Дом был сложен из отесанного камня, крыша была не из белой жести, как нынче делалось почти повсеместно, а сбегала темной черепицей, крыльцо было убрано цветами в нарядных глиняных горшках. Решетчатые ворота бесшумно разъехались перед машиной детектива, и он затормозил у крыльца. Мурашов вместе с каким-то молодым человеком, в котором Кис безошибочно учуял челядь, ждали его в дверях. Он благодарно потряс руку Киса и пропустил его в дверь. Кис повернулся к слуге: «Мне нужен кофе, бутерброд и рюмка коньяку». Мурашов энергично кивнул головой, подтверждая распоряжение Алексея, и они направились в кабинет.

Книги в застекленных темных шкафах, обширный удобный стол с компьютером, проектором и еще какой-то техникой, черные кожаные кресла – дорого и сдержанно. Пожалуй, и в гостиной, через которую они только что прошли, нет никаких сюеков и цаеков, которые так любят жены богатых мужей, отметил про себя Кис. Единственным украшением в доме были картины (о достоинстве их Кис не взялся бы судить, это было что-то авангардистское) – вне всякого сомнения, гордость хозяина.

– Итак?

– Итак, она исчезла. Значит, вечером я работал. У меня сейчас много работы, приходится и дома заниматься делами...

– В костюме?

– Простите, не понял?

– На вас костюм и галстук. Дорогой костюм и дорогой галстук. Это ваша домашняя одежда?

– Я надел к вашему приходу.

Кис почесал нос, но вслух ничего не сказал из всего того, что промелькнуло в голове. А из того, что промелькнуло, самым нежным было «у мужика крыша капитально съехала».

– Я работал в кабинете, а моя жена смотрела телевизор. Потом она мне пожелала спокойной ночи и ушла к себе. Это было где-то около десяти, передача по телевизору еще не закончилась. Около часу ночи, немного позже, я тоже поднялся наверх. Я не хотел Лину будить и не собирался к ней заходить, но вдруг заметил свет в ее комнате. Я удивился, что она еще не спит, – обычно моя жена ложится спать довольно рано. Я постучал, но она не ответила. Я подумал, что она, может, со светом заснула, и открыл дверь. А ее нет.

Мурашов говорил без эмоций, стараясь быть точным и подробным. Его приятный, хорошо модулированный голос был размерен и полон достоинства. Такой отличник из привилегированного учебного заведения, прилежный и приторно вежливый. Это вызвало глухое раздражение у Киса.

– Вместе с Георгием – это мой охранник и секретарь, вы его видели, когда вошли...

Кис удивился. Этот парень – охранник? Секретарь – еще куда ни шло, хотя этому типу больше пристало бы быть официантом в дорогом ресторане... Гляди, какой нынче пошел бодигард: услужливый, лощеный!

– ... Мы осмотрели весь дом и сад, – продолжал Александр, разводя руками в знак своего удивления, – звали и кричали, но Лины нигде нет.

Его разведенные руки застыли в жесте недоумения, и он вопросительно посмотрел на Киса, словно давая понять, что он сделал и сказал все, что мог, и теперь его, Киса, черед говорить и действовать.

Жест показался Алексею театральным, и он молчал, пытаясь понять, что это – обычная манера себя вести, пусть даже и с неуловимым налетом фальши (такое часто встречается у людей, которые желают нравиться всем), или это роль, взятая на сегодня, роль, разыгрываемая перед детективом? Было бы, конечно, достаточно смешно подозревать Мурашова, но мало ли...

– Как ваша жена могла покинуть дом? – разомкнул наконец рот Кис.

– Я даже могу вам сказать, как она его покинула, – с готовностью откликнулся Мурашов. – Через дверь, ведущую в сад. Георгий обычно запирает входные двери дома после ужина, если мы никуда не уходим. Кроме того, если бы она открыла входную дверь, я бы услышал из кабинета. А дверь в сад была открыта, вечер жаркий был. И в саду у нас есть калитка, ведущая на параллельную улицу.

Исчерпывающий ответ. Такие ответы любят давать сами авторы преступлений, продумавшие заранее каждый свой шаг и каждое свое слово. Впрочем, объективности ради надо заметить, что в таком же духе отвечают любители детективов.

– Вы ничего необычного в саду не заметили?

– Нет. Все как всегда, насколько я могу судить.

– А калитка была открыта или закрыта?

– Закрыта. Но на ней простая задвижка, и ее может любой открыть или закрыть. Причем бесшумно. Петли смазаны.

Дверь отворилась, и Георгий внес кофе, корзинку с хлебом, тарелки с нарезанной бужениной и сыром и бутылку дорогого коньяку, поставил на стол две маленькие тарелочки, к каждой из которых причитались нож с вилок, завернутые в салфетку. Подивившись снова ресторанному сервису охранника, Кис решил начать с коньяка. Он не торопился осматривать дом. Он хотел сначала услышать полностью версию мужа. И потом сравнить свои наблюдения с услышанным.

– Вы комнату вашей жены осмотрели?

– Да. То есть я там был, но ничего особенного не заметил. Если же под словом «осмотреть» вы имеете в виду, что я должен был заглянуть во все шкафы или под кровать...

– Письмо она вам не оставила?

– Письмо? Какое письмо?

– Записку, письмо – например, что она поехала навестить свою подругу или маму... –

Кис, проигнорировав салфетку с ножом и вилок, соорудил себе бутерброд и отправил его в рот, прихлебнув кофе.

– Нет... Я не смотрел специально, но я бы увидел, если бы она мне его оставила. Оставляют ведь на виду, не так ли? Вот, а на виду ничего нигде нет. И потом, какая подруга ночью? Лина такая домашняя, она не могла уйти ночью... К тому же у нее подруга всего одна, еще со школы, и живет она в другом городе. А родители у нее умерли.

– Вы не ссорились вчера вечером?

– Мы с женой вообще никогда не ссоримся. И потом, я вам уже описал, как прошел вечер, – с нажимом добавил он. – Если бы мы поссорились, я бы вам сказал!

– В каком она вчера была настроении?

Мурашов пожал плечами:

– В обычном. Как всегда.

– А всегда в каком?

– Трудно определить словами... Ровное. Немного задумчивое... Она натура мечтательная, любит книги...

– И ничего необычного, никаких перемен в ее настроении вы не заметили? Ни вчера, ни в последнее время? Она не нервничала, не была чем-то озабочена?

– Да нет, пожалуй, все как обычно.

– Раньше случалось, что она ночью уходила из дома?

– Никогда. – Мурашов взял нож и вилку, отрезал себе аккуратный ломтик буженины, разместил его на тарелке, затем отрезал от него еще меньший кусочек и стал жевать без аппетита, отламывая хлеб маленькими кусочками. Кис с неприязнью проследил за его жестами. И чего мужик выделяется?

– По крайней мере, мне об этом ничего не известно, – задумчиво уточнил Алекс, прожевав. – Теоретически я не могу поручиться за то время, когда я сплю... Нет, я уверен, что нет. Бывает, она сидит вечерами на террасе в саду. Она, как я вам говорил, любит помечтать, подумать.

Дал, что называется, развернутый ответ. Мурашов все больше раздражал Киса.

– Еще вопрос. И я вас прошу на него не обижаться (скоро и я начну изъясняться, как на дипломатическом приеме! – злился Кис): допускаете ли вы, что у вашей жены могло быть назначено свидание?

Мурашов мило улыбнулся.

– Я понимаю, что вы не знаете Лину. А ваш опыт позволяет предполагать всякое. Но я – я не допускаю. И знаете почему? Ведь если я вам скажу, что я доверяю своей жене, вы подумаете: ну и осел. Правильно? (Кис не ответил.) Нет, – продолжал с торжествующей улыбкой Мурашов, – для вас я приведу другой довод! Когда она уходила спать, я сказал ей, что, может, зайду еще ее поцеловать. А вряд ли жена пойдет на тайное свидание, зная, что к ней зайдет муж!

Он посмотрел на Киса, будто хотел проверить, какое впечатление произвели его выкладки. Такой душка, всеобщий любимчик, ждет похвалы. «Не дожدهшься», – злорадно подумал Кис.

Улыбка Мурашова медленно погасла.

– Ее украли, – неожиданно сказал он, тревожно и нетерпеливо дернувшись на стуле.

– Из ваших слов я сделал вывод, что у вас с женой отдельные спальни. Означает ли это, что у вас есть какие-то проблемы во взаимоотношениях?

– Нет, ни в коей мере. Просто мы решили, что так удобнее. Мы ложимся спать в разное время... Образ жизни, понимаете, не совсем совпадает, я работаю часто дома... Но у нас с Линой прекрасные отношения. Прекрасные!

Он подлил коньяку детективу, налил себе и отхлебнул глоточек. Кис опрокинул свою рюмку целиком.

– Коньяк имеет смысл пить маленькими глотками... – произнес Алекс. – Это не водка.

Кис удивленно вскинул глаза. При чем тут коньяк? У него жена пропала, а он – про маленькие глотки толкует!

– Учту, – буркнул он.

– Просто иначе вы не сможете почувствовать вкус коньяка, – приятно улыбнулся Алекс. – Водка не имеет вкуса, и ее глотают залпом, потому что в водке ценят в первую очередь эффект. А в коньяке, наоборот, вкус... – И он снова дружески улыбнулся.

– То есть вы меня вовсе не хорошим манерам учите, – с вызовом произнес Кис, – а просто обо мне заботитесь, даете дельный совет? Так надо понимать?

– Разумеется, – удивился Алекс. – Как бы я мог себе позволить вас учить?

«Та-а-ак, – сказал себе Кис. – Спокойно. Вдохнули – выдохнули. В конце концов, это твой клиент. Нравится – не нравится тебе Мурашов, а работа есть работа».

– Можно закурить? – спросил он.

– Прошу вас.

Алекс придвинул ему девственно-чистую пепельницу. Кис провокаторски выпустил вонючее облако дыма от «Золотой Явы». Алекс, и бровью не поведя, прошел к окну и распахнул его. Его благопристойность была непробиваема, как бетон.

– Получала ли ваша жена какие-нибудь письма, звонки в последнее время? – сдержанно произнес Алексей.

– Нет, насколько я знаю. Только от Кати, ее подруги, кажется, недавно, неделю-две назад, письмо пришло... О звонках она мне ничего не говорила.

– Какие-нибудь встречи?

– Нет вроде бы... Она почти все время дома. Она не любит выходить.

– А почему вы решили, что вашу жену украли?

– Ну, а как же иначе? Не могла же она уйти сама? Ночью? Куда? Зачем?

– Но крадут обычно насильственно! В доме борьба не происходила. Значит, ваша жена вышла в сад по своей воле. Хотя, как вы говорите, она дальше террасы, как правило, по ночам не ходит. Итак, она вышла в сад сама и дошла до калитки, скорее всего, тоже сама. По крайней мере, вы не заметили в саду следов борьбы, и шума никакого вы тоже, я полагаю, не слышали?

– Не слышал...

– Иначе бы вы мне уже об этом сказали, не так ли? Значит, она вышла, судя по всему, из дома сама. Вот я вас и спрашиваю: куда?

– Не знаю, – смутился Александр.

– А вам не приходило в голову, что она могла просто уйти от вас? Собрать вещи и уйти, вот так, не попрощавшись?

Мурашов смотрел на него растерянно. И еще, на одну секунду, в глазах его мелькнул страх.

– Вы ведь не смотрели, на месте ли ее вещи? – Кис с трудом сдерживал мстительную интонацию.

– Да нет, как же так, нет... Мне такое в голову не приходило, нет... Она не могла! Тем более накануне нашего юбилея! Мы послезавтра должны праздновать три года со дня нашего бракосочетания!

– Ну что ж, я хотел бы начать осмотр, – поднялся Кис, стряхнув крошки с колен и допив глоток уже остывшего кофе.

Алексея удивила невероятная опрятность спальни, которая напоминала скорее не место, где живут, а выставленный в магазине образец интерьера – даже если предположить наличие домработницы, порядок в этой комнате был почти маниакальным.

Постель, в которую Алина в эту ночь явно не ложилась, была покрыта кружевным покрывалом, на столиках и тумбочках лежали кружевные салфетки, и повсюду стояли срезанные розы. Занавеси на окне и полог над кроватью были тоже кружевные, перехваченные шелковыми лентами. На кровати сидел огромный белый пушистый медведь с розовым бантом на шее, а из-под подушки торчал потертый носик маленькой, старой и потрепанной плюшевой собачки. На туалетном столике были аккуратно и продуманно расставлены дорогие баночки, коробочки, тюбики и флакончики. Вся эта комната определенно контрастировала с общим стилем дома Мурашовых, дорогим и по-западному сдержанным, – она была одновременно старомодно-провинциальной и инфантильной. Именно так Кис мог бы себе представить комнату девочки-подростка из богатой семьи в прошлом веке. А опрятность, с которой каждая складка каждой оборки была зафиксирована на своем месте, придавала сходство с театральной декорацией – нашел новое сравнение Алексей, – в которой должен был играть сентиментальный спектакль из провинциальной жизни. «Она не захотела – или не сумела – принять вкусы своего мужа и стиль его дома», – подумал он. И, словно отвечая ему, Александр вдруг произнес:

– Знаете, когда мы поженились, Лина сказала мне, что в детстве, в мечтах о счастливой семье, ей представлялась кружевная бело-розовая комната. Что она стала для нее чем-то вроде символа счастья. И я, хоть это и не совпадает с моими вкусами, согласился отделать нашу спальню так, как она мечтала.

Кису сразу представилось, как Алекс, смущенный, показывает эту комнату гостям, с усмешкой пожимая плечами: «У моей жены такой вот плохой вкус...» Или: «У моей жены такая причуда...» Или не показывает вообще, чтобы избежать заспанных разговоров о провинциальных вкусах своей супруги?

Он внимательно посмотрел на Мурашова, ожидая увидеть тень иронии в его лице, – и не увидел. Напротив, Алекс был совершенно серьезен. Демократ, значит. Такой вот лояльный жест – хочешь, дорогая, этот бело-розовый зефир? – пожалуйста, ноу проблем...

«И Алина, воспользовавшись снисходительным разрешением мужа, хранит теперь в неприкосновенности свой символ счастья. Может, потому, что ничего, кроме символа, у нее нет?» – предположил он про себя.

– «Вашу»? – спросил Кис вслух.

– Да, – смутился Мурашов, – поначалу у нас была общая спальня.

– У вас были недоразумения в отношениях?

– Я вам уже сказал, что нет! У нас с самого начала и до сих пор были и есть прекрасные отношения!

Мурашов явно не хотел допустить версию, что жена могла от него уйти. Или делал вид, что не допускает?

– В детстве, вы говорите, а где она провела свое детство?

– Лина родилась в Наро-Фоминске, в семье геологов, но, когда ей было шесть лет, ее родители погибли в авиакатастрофе. Разбились на маленьком самолетике где-то в тайге... Она была единственная дочь в семье. После смерти родителей у нее остались дядя по отцовской линии и бабушка с дедушкой по материнской. Бабушка с дедушкой умерли вскоре, и дядя, на чье попечение отдали Лину, определил ее в интернат. Но он тоже умер давно.

Опять «развернутый ответ». Кис посмотрел на Александра: ямочка на подбородке, пухлый рот, ясный взгляд – не хватает только запаха детского мыла и коротких штанишек. «Его-то можно не спрашивать, как он провел детство, – за версту пахнет номенклатурной семьей и престижной школой. Разве что спросить, как ему удалось сохранить в первозданном виде этот образ честного, прилежного, воспитанного мальчика, от которого меня уже, кажется, тошнит?»

Маленькая темная комната, смежная со спальней, была гардеробной. И в ней вещи тоже находились в изумительном порядке. Все было выглажено, расправлено, сложено в аккуратнейшие стопочки.

– Насколько я могу судить, вещей она никаких не взяла, – заявил, не ожидая вопросов, Александр.

– Вы хотите сказать, что она не ушла от вас, раз вещи на местах? – рассеянно спросил Кис, оглядывая полки и вешалки с одеждой. – А вы хорошо знаете вещи вашей жены?

– Ну как, – немного смутился Мурашов, – вроде знаю.

– «Вроде». Кто убирает в комнатах?

– У нас домработница приходящая, Мария Сергеевна. Кроме воскресения. Приходит в девять. Живет в соседней деревне.

«Сейчас стошнит», – подумал Кис.

– Пошлите за ней вашего охранника... Секретаря, в смысле. Пусть попросит ее прийти прямо сейчас.

Мурашов немного удивился, но вопросов задавать не стал и послушно вышел из комнаты. Кис вздохнул свободнее. Слащавая и в то же время надменная вежливость Мурашова, его приторная готовность помогать «следствию» не нравились ему. Чувство фальши не остав-

ляло Киса. Что-то было не то, словно у Мурашова пропала вещь, а не жена. Может, он придуривается? Может, он убил свою жену, тело спрятал, а теперь морочит мне голову? – злился про себя Кис.

Он открыл ящички туалетного столика. Драгоценности, косметические и гигиенические штучки, записная книжка (Кис отложил ее), несколько писем к Алине, одна и та же рука. Он раскрыл последнее:

«Ты жалуешься на скуку – душа моя, это грех. Посмотри на других людей, как они бьются в жизни с трудностями, и сравни свое положение с ихним. Вспомни, у тебя ничего не было в жизни, и тогда тебе тоже было скучно. Чего ж тебе надо, чтоб было не скучно? У тебя есть муж, положение хорошее, деньги. Ты и сама не знаешь, чего тебе надо! Роди ребенка, уговори Алекса, что это нужно. Или обмани его – трудно, что ли, забеременеть! Или ты чего-то недоговариваешь? Может, у вас какие другие проблемы, что вы не можете ребенка родить? Ну, займись благотворительностью – сколько бедных людей, нуждающихся в поддержке, которых ты можешь осчастливить своими деньгами, которые тебе самой не приносят радости...»

Кис отложил письмо. Оно его позабавило смесью романной литературности с просторечием, но в то же время насторожило, в особенности той плохо скрытой нравоучительностью, завистью, которая читалась меж строк неведомой подруги. В записной книжке оказалось крайне мало личных телефонов и адресов. Подруга, написавшая письмо, проживала также в Наро-Фоминске, звалась Катей, и, скорее всего, именно о ней упомянул Мурашов.

В среднем ящике столика лежали блок почтовой бумаги с виньетками, конверты и несколько ручек в маленьком пенале. Бумага для писем была чистой, корзинка для мусора – пустой. Кис повертел на свету верхний листок – так и есть, продавились отпечатки какого-то текста. Кис сложил в свой портфель листки, письма и записную книжку.

Спустившись в прихожую, Алексей тщательно проверил карманы верхней одежды Алины (там было несколько легких, по сезону, курток и плащей) и несколько сумок разных цветов и размеров. Все было опрятно и несущественно: зеркальца, носовые платочки, карандашики, косметические мелочи и конфетки, заваливавшиеся то там, то сям – ни записок, ни документов.

Осмотр остальных комнат дома и сада ничего не дал. Уже рассвело, и можно было с уверенностью сказать, что никаких следов борьбы нигде не было. Со стороны фасада были ворота и калитка на электронном замке. С обратной стороны сад простирался на несколько десятков метров в глубину – Мурашов, должно быть, купил соседний участок – и заканчивался обычной, типичной для старых дач деревянной калиткой, выходявшей на тихую тенистую улицу, забросанную светло-желтым душистым ворохом липовых цветков. Скорее всего, Алина покинула сад именно через эту калитку... Алексей прошелся по улочке, задумчиво рассматривая свежие пятна от машинного масла в метрах двадцати от калитки. Мурашов стоял неподвижно возле забора своей дачи – или, вернее было бы сказать, своего особняка? – и наблюдал за ним.

– После того, как ваша жена поднялась к себе в спальню, вы не слышали звук машины? Мотор, хлопанье дверец, может быть, голоса?

– Нет. Я, когда работаю, ничего не слышу.

– А в городе у вас есть квартира?

– Есть. Но мы в ней практически не живем. Изредка только ночуем...

– Даже зимой?

– У нас дача отапливается. Со всеми удобствами, телефон, машины, все есть. Зачем нам город? Здесь воздух чище.

Алексей присел, мазнул пальцем масло и понюхал, внимательно изучая пересохшую от жары землю. Впрочем, масляные пятна могла оставить любая другая, не имеющая отношения к делу машина.

– Вы не подумали о том, что ваша жена могла просто-напросто уехать в городскую квартиру?

– Исключено. Во-первых, я туда звонил много раз. Во-вторых, ключи от нее на месте. На ключнице в прихожей.

– У вас есть здесь друзья? Среди соседей по даче?

– Есть, разумеется. Но не такие, чтобы она могла без всяких причин среди ночи к кому-то заявиться.

«Как же он мне надоел», – подумал Кис со вздохом.

– Сколько у вас машин? – обернулся он к Мурашову.

– Две. Мой «БМВ» и «Меган» Лины.

Две. И обе стояли в гараже.

Не ушла же она пешком!

Глава 4

...Машину Марго она увидела чуть поодаль, метрах в двадцати от калитки. Аля приблизилась.

– Сядь ко мне, надо поговорить, – сказала Марго, беря приготовленный для нее пакет, который Аля подала ей в окно машины.

Аля колебалась. Ей хотелось поскорее вернуться в дом. Вдруг Алекс заметит ее отсутствие?

– Аль, сядь, что стоишь, как столб? – поторопила ее Марго.

Аля неохотно присела в машину, не закрывая дверцу.

– Что еще, Марго? – недовольно спросила она.

Но Марго, однако, неожиданно замолчала.

– Марго, что ты хотела мне сказать? – настоятельно произнесла Аля.

– Мне деньги нужны... – сказала Марго, отводя глаза.

Аля помолчала.

– Послушай, Марго... – начала она не совсем уверенно, но затем придала своему голосу сухость и строгость, – я тебе давала совсем недавно, двух недель не прошло. И ты мне обещала, что это первый и последний раз. И что ты пойдешь работать. Ну, и что – ты работаешь? Или ты собираешься жить на моем содержании? Вернее, на содержании у моего мужа?..

– Аля, ну не сердись, Алечка! Ты же знаешь, как трудно найти работу сейчас. Я пыталась... Искала... Пока не нашла. Они все сразу предлагают мне переспать, чтобы работу получить... – Голос Марго дрогнул, и она отвернула кудрявую голову к окну.

Алина растерянно молчала. Она не умела отказывать, и ей было жаль Марго. Но в то же время поведение Марго ей не нравилось – аппетиты бывшей подруги со всей очевидностью росли: сначала были джинсы с майками, потом она потребовала элегантный костюм на выход, потом – вечерний туалет... И деньги, уже второй раз.

Марго всего лишь один раз намекнула Але, что знает ее тайну, и с тех пор ни словом не обмолвилась об этом, но... Но было ясно, что все ее поведение, все ее «просьбы» базируются на этом знании. То есть, называя вещи своими именами, Марго Алину шантажирует. И Алина, ощутив неприятный холодок в спине, подумала, что вот еще одна причина, по которой надо немедленно уходить от Алекса: тогда у нее нечего будет вымогать. И тогда Алекс не узнает эту страшную тайну...

Она не сразу определила звук, который донесся до ее слуха, а когда поняла, то удивилась несравненно: Марго всхлипывала! Никогда не плачущая Марго – плакала! Ее плечи и ее черные кудряшки вздрагивали от рыданий. Алина дотронулась до ее плеча:

– Марго... Ну не плачь, Марго!

Марго обернула к ней залитое слезами лицо, полное горестного упрека:

– Мне есть нечего! А те деньги, которые ты мне в прошлый раз дала, я заплатила за квартиру...

У Алины сердце сжалось от жалости.

– Не плачь, – сказала она, – я тебе дам деньги.

– Правда? – блеснули сквозь пряди ее черные глаза. – Правда?

– Правда. Сколько тебе нужно?

– Рублей... Ну пять-шесть тысяч, хотя бы... Можно?

– Ладно. Только почему ты мне не сказала по телефону, я бы заранее приготовила...

– Мне было стыдно у тебя деньги просить... – хлюпнула носом Марго.

Вот это да! Сегодня вечер необычайный: Алине довелось увидеть Марго плачущей и услышать, что «ей было стыдно»! Гордячка Марго, никогда не признающая своих ошибок, не ведающая, что такое стыд или раскаяние... Должно быть, и вправду плохи ее дела.

– Только, Марго, давай завтра.

– Почему завтра?

– Я к тебе вышла тайком, мужу сказала, что пойду спать, и сейчас идти за деньгами, потом опять к тебе возвращаться... Кто-нибудь может увидеть. Я бы этого не хотела.

– А где у тебя деньги?

– В сумке.

– А сумка где?

– Где сумка? В... где же я ее оставила? В машине, кажется. Да, в машине.

– В гараж-то можно незаметно пройти! Сходи, Алечка! Я бы завтра с утра хоть позавтракала нормально...

Аля посмотрела на нее. Эта «Алечка»... – Марго так никогда не называла ее раньше. И это униженно-просительное выражение лица, которое так не шло ей...

Але стало неприятно. Ей больше нравилась прежняя Марго, независимая и грубоватая, не умеющая заискивать...

– Хорошо, я схожу, – торопливо сказала она, пряча чувство жалостливой брезгливости.

– Вот, – сказала Аля, вернувшись, – пришлось взять всю сумку, а то у меня из нее все стало вываливаться, пока я кошелек вытаскивала... погоди, у меня тут щетка для волос застряла.

– Сядь в машину, тебе будет удобнее! – распахнула Марго дверцу.

– Тут света больше.

– Правильно, поэтому все соседи увидят, как ты тут торчишь, и даже разглядят, что ты в сумке ищешь!

– Точно, – улыбнулась Аля, садясь в машину. – Плохой я конспиратор.

– И не кричи так, соседей перебудит.

– А ты выключи мотор. А то я ничего не слышу.

– Я потом не заведусь. Лучше закрой дверь.

Аля осторожно прихлопнула дверцу со своей стороны.

– Вот, – достала она портмоне и протянула Марго деньги. – Здесь шесть тысяч.

Марго потянулась и чмокнула Алю в щеку.

– Ты – сама доброта! – весело сказала Марго... И дала газ. – Сама доброта! – повторила она со смехом, набирая скорость. – Ангел!

Алина, вжатая неожиданным рывком автомобиля в спинку сиденья, смотрела на нее с изумлением. Деньги так и остались в ее протянутой руке.

Глава 5

Алексей вернулся в дом, потребовал себе еще кофе, сам обслужил себя коньяком и предложил Мурашову оставить его наедине с Георгием, секретарем-охранником. Оказалось, что этот молодой темноволосый и темноглазый мужчина приятной наружности был, по сути, управляющим дома. Все находилось в его руках: он был секретарем и распорядителем, перед ним отчитывалась о расходах Мария Сергеевна. Функции охраны были практически номинальными: Алекс за свою жизнь не опасался и предпочитал, чтобы Георгий охранял дом. Собственно, и дом он тоже никак специально не охранял – просто было известно, что в доме в отсутствие Алекса есть мужчина. Георгий постоянно жил в доме, и у него была своя комната на первом этаже.

– Меня интересует все, что вы знаете о звонках и других контактах хозяйки в последнее время. – Кис отхлебнул кофе. – Не знаю, какими вы еще обладаете достоинствами, но кофе вы готовите отменный, – польстил он секретарю.

– Я по дедушке грузин, – объяснил Георгий, покашливая.

– Ну а я, хоть и не грузин, в кофе толк понимаю, – продолжал располагать к себе Кис. – Ну, так что, насчет писем?

– Я письма вскрываю только от организаций. Личные письма я отдаю Александру Кирилловичу и Лине в руки. Ничего не могу вам сказать об их содержании.

«Лине»! Вот так просто и фамильярно. Интересно...

– Письма часто приходят?

– Личные?

– Разумеется.

– Нет, по правде говоря, – снова кашлянул он аккуратно в кулак. – Александр Кириллович редко получает письма на домашний адрес. Больше поздравительные открытки. А Лина переписывается с одной подругой. Я знаю, потому что она дает мне письма отправлять.

– В последнее время вы не заметили в ней каких-либо перемен? В настроении, в поведении?

– Нет. Она сдержанный человек, ее трудно понять.

Сказал, как отрезал. Неожиданно холодно, почти неприязненно. Он случаем не «голубой», интересно? Красивенький такой, ухоженный... Может, они со сладеньким, красивеньким, вежливым Мурашовым тут вместе тайком развлекаются? Тогда и спальни отдельные объясняются...

Впрочем, тут могло быть и другое.

– А вы пытались? – в лоб спросил его Кис.

– Я не понял... Что я пытался?

– Понять вашу хозяйку!

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал. Вы ведь в течение целого дня находитесь вдвоем с хозяйкой в доме. Между вами вполне могли установиться дружеские, близкие отношения... Не так ли?

– Я не понял, господин детектив, вы на что-то намекаете? Но на всякий случай я вам сразу же сообщаю: между нами никаких, понимаете, никаких отношений нет. Ни дружеских, ни приятельских, ни любовных. Я уважаю Александра Кирилловича и жену его тоже. Уважаю, и только. Понятно?

Кис сделал неопределенный жест головой, как бы выражая сомнение. Георгий забеспокоился:

– Я даже больше того вам скажу. Говорят, что глаза человека – зеркало его души. Так вот глаза у Лины – это зеркало, в котором отражается все, что угодно, весь внешний мир. Но только не ее душа. Если она у нее вообще есть... – добавил он себе под нос.

– Вот как? – иронично спросил Кис.

Георгий не ответил.

Так-так-так, похоже, что мужское самолюбие этого красивого секретаря было задето Алиной? Кис решил ковырнуть поглубже:

– Это почему же?

– Да так... Ей никто не нужен, если хотите знать. Ее никто не интересуется. И ничто. У нее даже друзей нет, только книжки читает целыми днями...

– А вы хотели ее заинтересовать – собой?

– Да нет же, я вам сказал! Просто когда я к ней обращаюсь, то лично у меня такое впечатление, будто я прозрачный, будто она сквозь меня какие-то далекие пейзажи рассматривает... – возмущенно раскашлялся Георгий.

Лично у Алексея было впечатление, что Георгий постеснялся добавить вслух: а я-то такой красивый! И она не замечает! Забавно.

– Что значит – не нужен никто? А муж? Муж-то, наверное, нужен, раз замуж выходят?

– Да она... – Георгий испытующе посмотрел на детектива, словно решая, можно ли ему доверить тайну, оглянулся на дверь кабинета и понизил голос: – Между нами, ладно? Она, я уверен, никогда его и не любила! Замуж по расчету вышла! Сама из простых, а задается, строит из себя недотрогу, даму высшего света! На «вы» со всеми! Я ей даже сказал как-то, в шутку: будь проще, Лина. И люди к тебе потянутся.

Алексея неприятно резанула эта внезапная смена тона: маска вышколенной прислуги, знающей свое место, вдруг моментально уступила базарной физиономии рыночного лоточника. Принял Киса за своего? За «простого», перед которым можно не выпендриваться, побыть без маски? Кис поморщился. Вот уж польстил доверием... Но как бы там ни было, откровенность секретаря была ему только на руку. Вырисовывалась занятная картина: значит, она с Георгием на «вы», он с ней на «ты»? Она все усложняет, а он хочет попроще... Попроще – это как? Переспать с Георгием в отсутствие мужа? И «люди к тебе потянутся»... Люди – это Георгий? Он, кажется, уже и так «потянулся»... Да без особого успеха... Хотя Алина располагает временем и свободой – муж ее днями отсутствует – и, если бы она захотела, могла бы завести шашни хоть с секретарем, хоть с кем угодно! Но она, стало быть, «из себя недотрогу строит»...

Кис сделал простовато-заинтересованное лицо:

– А откуда вам известно, что Алина вышла замуж по расчету?

– Да видно, вот откуда! Между ними отношений нет никаких, так только: дорогой-дорогая! Повезло бабенке: одним махом, ни за что ни про что, все перепало – и деньги, и положение в обществе! Другому пахать надо всю жизнь, чтобы поиметь четверть того, что ей вот так, даром досталось! А она еще и выделывается!

Стало быть, Георгию надо «всю жизнь пахать», а Алине, вишь ты, все даром досталось! Из грязи в князи. Видимо, этот Георгий в ней тоже распознал «свою» – пройдоху, ловко сумевшую устроиться при богатом муже, и рассчитывал на понимание и поддержку с ее стороны. По его понятиям, Алина, урвав свой кусок, должна была по профсоюзной принадлежности к «простым» этот кусок с ним разделить – в том или ином виде... А она, выскочка, ведет себя нелояльно: вместо того, чтобы понять и посочувствовать, каково бедному Гоше созерцать ее дармовое богатство, только усугубляет его страдания – не обращает на красавца ни малейшего внимания! Оттого-то Гоша на нее сильно обиделся...

Да, мужчина, завидующий женщине, – такое встречается не часто... Но встречается. И вызывает у Киса чувство, близкое к омерзению.

Ну да ладно, по крайней мере, не любовник. Ни Александру, ни Алине Мурашовой. Посему Кис сменил тему.

– Где хозяйка хранит свои письма?

– У себя в спальне, насколько мне известно.

– Кто выбрасывает мусор из корзин? Мария Сергеевна?

– Да. Я за ней ходил, она скоро придет.

– Ну а звонки? Кто звонит хозяйке?

– Из женских организаций, из... В общем-то, ей редко кто звонит, в смысле личных звонков. Она ни с кем отношений не поддерживает, я вам говорил.

– А кому она звонит?

– По тем же делам в основном. Иногда она забирает телефон в свою комнату и звонит оттуда. В этих случаях, естественно, я не могу знать, кому она звонила.

– Вы уверены?

– Извините, я не подслушиваю разговоры, – обиделся Георгий.

Алексей проигнорировал эту реплику.

– Меня крайне интересуют ее контакты в последнее время. Не звонил ли ей какой-нибудь мужчина? Или хозяйка сама – не звонила?

– Сожалею, но если вы имеете в виду что-то личное, то я не в курсе.

– А не личное?

– Недавно вроде звонили из благотворительной организации. Но это вряд ли то, что вас интересует.

– О чем шла речь?

– О передаче каких-то вещей.

– Каких?

– Не имею понятия.

– А до этого хозяйка передавала что-нибудь в благотворительное общество?

– Да. Одежду, посуду, игрушки.

– И кто их отправляет?

– Чаще всего я. Иногда она сама. Последнее время все больше сама.

– Вы можете мне точно сказать, когда был этот звонок?

– Сегодня у нас четверг? В понедельник.

– Расскажите, как прошел вчерашний день.

– Обычно. Александр Кириллович пришел домой в восемь. Они поужинали, и он работой занялся. Он почти всегда вечером работает.

– А Алина?

– Да как всегда! Проснулась в девять, после обеда уехала в книжный клуб, потом в какую-то библиотеку записываться, вернулась к пяти, занялась приготовлением ужина...

– Адрес книжного клуба, – скомандовал Кис и записал под диктовку Георгия. – Что она там делала?

– Да почему мне знать? – неприязненно пожал плечами секретарь. – Она свое время проводит как хочет. У нее его много, свободного времени, вот она и...

Он замолчал. Кису подумалось, что концом фразы должно было стать: «... вот она и дурью мается». Или «с жиру бесится». Мерзкий тип, право. А в клуб надо будет наведаться. А то, может, там какой воздыхатель обнаружится...

– Знаете ли вы, где хозяйка хранит свои документы? Паспорт, права, кредитные карточки, наличные деньги?

– В сумке, мне кажется. Я видел не раз, как она, уходя, перекладывает их из одной сумки в другую.

– Вы ее сумочки хорошо знаете? Можете сказать, какой не хватает?

– Боюсь, что нет.

– Вчера после десяти часов вечера не слышали звук машины, которая остановилась недалеко от вашего дома?

– Где машина остановилась? – просипел Георгий.

– На улице со стороны сада.

– А-а... У меня окна на другую сторону выходят, мне с той улицы ничего не слышно.

– Скажите, Алину навещает кто-нибудь?

– Те, кого хозяйева приглашают в гости. В отсутствие мужа она почти никого не принимает. Последний раз у нее были деятельницы из организации «Женщины – за счастливое детство», месяца три тому назад.

– И последнее, Георгий. Вы поделились со мной впечатлением, – осторожно сформулировал фразу Кис, – что Алина вышла замуж по расчету. Означает ли это, что между супругами Мурашовыми напряженные отношения?

– Да нет, вовсе нет! С виду все нормально... Александр Кириллович часто подарки ей делает... Он вообще не жадный. У Лины всегда есть деньги, она его карточкой кредитной пользуется! Правда, Лина не очень, как другие женщины, по магазинам любит разъезжать... Даже магазины ее не интересуют! На что ей деньги, спрашивается, если она их потратить толком не умеет?!

Кис даже голову слегка втянул в плечи – зависть пушечным ядром пролетела над головой.

– Ну, а в эмоциональном плане, не в смысле денег, понимаете, а в смысле эмоций? Любит ли Мурашов жену, по-вашему?

– А мне откуда знать? – его голос совсем сел. – Не мое это дело. Говорю вам, с виду все нормально, а как уж там у них на самом деле – мне это неизвестно.

– Раз вам это неизвестно, – помолчав, произнес Кис, – значит, никаких проявлений любви вы не замечали в семейной жизни Мурашовых...

– А нет, господин детектив, вы мне не приписывайте то, чего я не говорил! Я сказал – не знаю. Я их вижу как: Александр Кириллович приходит, они вместе ужинают, и у него почти всегда работа дома, он занятой человек. А Лина – я вам уже говорил, она сдержанная, не поймешь ничего. Вот и все!

– Я вам ничего не приписываю. Это вы мне сами сказали, что Алина вышла замуж по расчету, что ей никто не нужен и никто ее не интересуется...

– Я просто поделился впечатлением! – пошел на попятный Георгий. – Я ничего такого не хотел сказать! Я в их отношения не вмешиваюсь! В конце концов, я вовсе не имел в виду ее мужа, когда сказал, что ее никто не интересуется!

– А кого вы имели в виду? Себя?

Под ироническим взглядом Киса Георгий раскашлялся основательно, покраснев то ли от натуги, то ли от смущения.

И где это он ухитрился простудиться в такую жару?

Глава 6

Аля плохо понимала, что происходит. У нее в голове стоял странный, монотонный, отупляющий звон.

Марго привезла ее на какую-то дачу. Больно сжав ее руку, она провела Алю по темной тропинке и пихнула в распахнувшуюся перед ними дверь.

Все, вся ее прежняя компания была там. При ее появлении они молча повернули головы. Филипп рывком встал. Антон ухмыльнулся. Гена отвел глаза.

– Ну вот мы и приехали! – весело произнесла Марго и добавила с издевательским нажимом на последнее слово: – Добро пожаловать, Алечка!

– Что происходит? – настойчиво спросила Аля. – Что вам от меня нужно? Почему ты привезла меня сюда, Марго?

– «Здрате» надо говорить, – назидательно ответила Марго, – когда в гости приходишь! Остальные хранили молчание, только Филипп сделал полшага в ее сторону и замер.

Аля стояла посреди комнаты, растерянно оглядываясь, пытаясь унять звон в голове, сосредоточиться, хоть что-то понять...

– Надеюсь, ты рада своих старых друзей повидать, а? Последнее время ты что-то совсем загордилась, Алечка, на огонек больше не заглядываешь, – ерничала Марго. – Богатой стала? Ниже своего достоинства считаешь с нами общаться?

– Марго! Я тебя спрашиваю: что все это значит? – старалась быть строгой Аля. – Что тут происходит?

Марго, словно не слыша обращенного к ней вопроса, обошла Алю, разглядывая ее с жалостливой улыбкой.

– Плохо ты воспользовалась своим удачным замужеством, скажу я тебе, – покачала она головой. – Смотри, что это на тебе надето?

Марго приподняла подол длинной коричневой юбки Алины.

– Словно с помойки! Впрочем, у тебя никогда вкуса не было. Ты всегда одевалась черт знает как, во все блеклое и бесформенное!

И в доказательство своих слов она оттянула на себя неброскую бежевую трикотажную футболку Али, на деле дорогую и, как и ее юбка, вещь хорошей марки.

– Да и драгоценностей у тебя нет приличных, одно колечко обручальное, да вот это с бриллиантом... – Марго схватила ее руку, в которой до сих пор были зажаты деньги. – Ну, это тебе не нужно, – сказала она и выдернула деньги из пальцев Алины. – И сумку дай, кстати! – Она сдернула сумку с ее плеча и кинула ее на стол. Антон прихлопнул разлетевшуюся сумку на краю стола, чтобы не свалилась, и заржал. Марго снова схватила правую руку Алины, жадно рассматривая бриллиант, сверкнувший на свету. – Дорогой, да?

Аля не ответила.

– Красивый... – отпустила ее руку Марго. – У Картье, говоришь, купила? А?

– Я ничего не говорю...

– И не надо. Я тебя в прошлый раз спрашивала, ты мне сказала, что у Картье. На Кузнецком, кажется?

– Зачем тебе, Марго?..

– Сколько стоит, ты мне не ответила!

– Я не знаю... Это подарок... Александра. Свадебный...

– У тебя только один бриллиант? Или ты остальные в сейфе держишь?

– Такой один... – Аля пыталась придать уверенность своему неожиданно севшему голосу.

– Да, он не очень дорогой, – пренебрежительно произнесла Марго, снова беря ее руку. – Тысяч пятьдесят «зелененьких», не больше, – сказала она с видом эксперта. – Я у Картье была

в магазине, видела. Там и получше твоего есть. Эх, я бы на твоём месте!.. Не упустила бы возможностей! – Марго вытянула вперед руки, любуясь своими длинными смуглыми пальцами, унизированными недорогими кольцами. – Ну ничего, они у меня еще будут, возможности!

Марго обвела многозначительным взглядом свою компанию.

Аля чувствовала себя так, словно ее выпихнули на сцену. Все безмолвно сидели, наблюдая за ней, только побледневший Филипп по-прежнему стоял возле своего стула с напряженным и хмурым видом.

Аля старалась не смотреть в его сторону.

– Что тебе нужно от меня, Марго? – спросила она, преодолевая спазм в горле.

– Ничего особенного, – улыbnулась ей успокаивающе Марго. – Мне нужно, чтобы ты со мной поделилась немножко. Ты у нас стала богатой, надо теперь и про старых друзей подумать! С друзьями ведь надо делиться, верно? А не давать жалкие подачки...

– Тебе мало шести тысяч рублей?

– Конечно, мало, моя дорогая подружка, конечно, мало!

– И сколько ты хочешь?..

– Эй, вы, слышите? – Марго обернулась к компании. – Слышали? Меня спрашивают, сколько я хочу! Вот это вежливость! – с нехорошей улыбкой продолжала она. – Ты стала действительно светской дамой, Аля, с хорошими манерами... – Улыбка вдруг пропала с лица Марго, и глаза ее потемнели. – Полмиллиона я хочу, вот сколько. Полмиллиона баксов. И завтра ты мне их дашь.

Аля сняла очки и посмотрела на Марго. Потом снова надела очки. Помотала головой, словно стряхивая с себя наваждение. Нет, ей не послышалось, Марго сказала – полмиллиона долларов.

– Где я тебе их возьму, Марго? – Аля улыbnулась. Это был бред, это было почти смешно. – У меня их нет.

– Не скромничай, дорогая. У тебя их, конечно, нет. Они есть у твоего мужа. Но зато у тебя есть общий счет с твоим мужем. Думаешь, я ничего не соображаю, да?

– Но там нет таких денег, Марго, там их нет!

– Ладно рассказывать! Чего бедной прикидываешься!

– Я правду говорю! Там их нет!

– Зря стараешься. Я тебе не верю.

– Хорошо, – сдалась Аля. – Хорошо, их там нет, но допустим, что они там есть. Но ты не знаешь одной простой вещи: их невозможно быстро снять наличными. По правилам банка деньги нужно сначала заказывать, за двое суток, и нужно представить...

– Ты костюмчик помнишь? – перебила ее Марго, садясь в свободное кресло и манерно закидывая ногу на ногу.

– Какой костюмчик? – опешила Аля.

Она осталась стоять одна посреди гостиной, под прицелом настороженно-враждебных взглядов.

– Ну костюмчик, темно-серый, элегантный, который ты мне дала? С шелковой блузкой, цвет увядшей розы?

– Да... Помню, – непонимающе ответила Аля.

– И зачем, по-твоему, я у тебя его попросила?

– Я думала, на работу устраиваться...

– Вы слышали? – снова обернулась Марго к компании со смехом. – Ща-а-ас! Я прям разбежалась официанткой устраиваться в таком костюме! Я, моя милая, не такая дура. Я в этом костюмчике все справки навела про банки. Приделалась, причесалась, прикинулась богатой клиенткой... Так что нечего мне лекции читать – я получше твоего знаю, как можно и как нельзя снимать деньги!

– Ну так что тогда разговаривать? – рассердилась Аля. – Деньги снять нельзя, раз ты знаешь. На твой счет их перевести – тоже практически невозможно. И даже если бы это было возможно – это улика против тебя, тебя милиция может найти; ты же понимаешь, если я сниму полмиллиона долларов – боже мой, сколько это в рублях? Я и сосчитать не сумею!

– А тебе и не надо. Я их сама сосчитаю.

Аля покачала головой. Разговаривать с Марго было невозможно.

– Даже если бы я могла их снять, – продолжила она, – то мой муж обратится в милицию, ведь мне придется ему объяснения дать. И когда я ему объясню...

Аля вдруг запнулась, похолодев. «Объясню»?.. У них нет никакого интереса в том, чтобы она что-то кому-то объясняла!.. Но как же... Но тогда получается... Но ведь не собираются же они ее убить? Как это называется... «Убрать»?

Нет, нет, конечно. Что за бред!

– Ты меня за идиотку держишь, да? – обиженно посмотрела на нее Марго. – Ты меня, впрочем, всегда недооценивала. Ты на меня всегда смотрела свысока, даже когда ты была бедной, всегда меня презирала...

– Я?! Смотрела на тебя свысока?

Аля искренне изумилась. Было время, когда она восхищалась Марго, было время, когда она стала с трудом переносить ее властный и грубый характер, ее стиль жизни и взаимоотношений; но свысока – нет, она никогда не смотрела свысока на Марго. Как это странно, что Марго так думает. Скорее наоборот, Аля всегда боролась в себе со своей зависимостью от сильной подруги...

– Ты, ты! Чего теперь прикидываешься? Ты всегда меня презирала, я это кожей чувствовала! Проста я была для тебя, слишком проста, не пара такой... Такой... – Марго задыхалась от злобного возмущения, не находя нужное слово. – Такой аристократке, как ты! – выпалила она наконец.

Присутствовавшие в комнате парни не проронили ни слова, с угрюмой серьезностью наблюдая сцену.

– А это меня зовут – «королева Марго»! А не тебя! Правда, мальчики? Какая из тебя королева, ты просто замухрышка рядом со мной!..

«Да у нее же просто комплекс неполноценности, – поняла вдруг Аля. – Обычный классический комплекс. То-то она всю жизнь со мной соперничала! Не видя и не понимая, что я не соперница ей вовсе, что я не ввязываюсь в подобные игры и что мне, в общем-то, совершенно безразлично, первая она или последняя... Может быть, мою незаинтересованность в этом перманентном соревновании она и приняла за высокомерие? Право, странно. Раньше я думала, что она умнее. Тоньше, что ли, понятливей... Впрочем, раньше я плохо разбиралась в людях. Это теперь я стала кое-что понимать... Алекс меня многому научил, надо отдать ему должное...»

И ей отчаянно захотелось домой.

– Ладно, что вчерашний день поминать! – сменила вдруг тон Марго. – Что считается – так это сегодня. А сегодня – в идиотках ты! – милостиво улыбнулась она. – У меня, моя дорогая, планчик куда умней, чем ты можешь себе представить. Куда умней! Ну, я тебе завтра расскажу. А сейчас – баньки.

Марго встала и прошествовала к лестнице, которая была приставлена к лазу на чердак, и указала небрежно-театральным жестом, крутанув в воздухе кистью руки:

– Тебе сюда.

Аля оглянулась на безмолвную компанию.

– Я требую, чтобы вы мне объяснили, что вы затеяли!

Молчание. Только Филипп блеснул глазами.

– Ну-ну, будь умницей, поднимайся, – дурашливо засюсюкала Марго, оттесняя Алю к лестнице. – Прилежным девочкам пора в постельку. Давай, давай, еще ступенечка, вот так, какие мы хорошие девочки...

Она почти силой заставила Алю подняться.

Аля нехотя влезла на чердак. На чердаке была небольшая комната, сумрачная и душная, так как маленькое окошко было закрыто.

– Свет справа включается!

Голос Марго послышался совсем рядом. Аля обернулась: ее бывшая подруга стояла на лестнице, и голова ее высывалась в люк.

– Нашла?

Аля нашарила выключатель, и под крышей вспыхнула тусклая голая лампочка, засиженная мухами. В чердачной комнате был довольно большой соломенный тюфяк на полу, застеленный простыней, рядом стояли плетеное продавленное кресло и большая тумбочка с облезшей полировкой.

– У тебя тут есть все, что надо. Писать захочешь – постучи! Спокойной ночи, подружка!

Глава 7

Мария Сергеевна оказалась худой и коренастой, кожу ее покрывал тот неяркий и прочный загар, который приобретается в деревне, во время летних полевых работ. Ее маленькое подвижное тело кипело молодой энергией, хотя лицо со всей определенностью выдавало пройденный пятидесятилетний порог. У нее были светлые живые глаза и острый любопытный нос, которым она водила из стороны в сторону, цепким взглядом изучая спальню и гардеробную Алины, куда ее привел Алексей.

– Нет, все на местах. Не хватает только юбки одной и майки. Наверное, она их надела на себя, когда уходила.

– А вы хорошо знаете ее вещи?

– А как же! Я же их стираю и глажу. Я вам даже могу сказать, какие она трусики надела на себя!

– Вот и хорошо.

Кис сел составлять список вещей. Мария Сергеевна из гардеробной диктовала ему, пересматривая одежду Алины.

– А костюмчик синий – юбочка плиссированная с жакетом – она мне вчера в чистку велела отдать, – донесся до Киса голос Марии Сергеевны, – так он внизу, в пакете, на кухне. Завтра отнесу. И блузочка к нему кремовая – в стирке.

– А что, костюм испачкался чем? – сделал стойку Кис, готовясь изымать костюмчик на предмет исследования пятен и пыли, которые могли бы – как знать? – выдать секреты Алины Мурашовой.

– Да нет, что вы! Она чистюля, каких поискать! Просто дни, сами видите, стоят какие жаркие, а Алечка вчера куда-то в нем ходила, вот он несвежий и оказался...

Кис не поленился, затребовал костюмчик и внимательнейшим образом разглядел все складки. Особенно его интересовал подол юбки: вдруг следы, скажем, спермы обнаружатся? Но на костюмчике не было ни единого пятнышка. Кис даже его понюхал: слабо пахло духами, дезодорантом и немножко потом. Нежным и тревожным, сладким потом чистого женского тела...

Разочарованный и слегка грустный – грусть была уже из области личных разочарований, о которых напомним запах, – он вернул одежду Марии Сергеевне и с удвоенной энергией приступил к дальнейшим расспросам:

– Что-нибудь где-нибудь еще исчезло? Посмотрите на столике, на тумбочках – короче, везде.

– Нет. Все на местах. А кольцо обручальное и еще одно, с большим бриллиантом, подарок ее мужа, на ней должны быть. Она их всегда вместе, на одном пальце, носит.

Кис записал.

– А остальные драгоценности на месте?

– Я их не все знаю. Только те, что она часто надевает, вот в этой вазочке она их держит обычно. Из этих – все на местах.

– Вы не замечали ничего странного в поведении хозяйки?

– Ох, не знаю уж, странно это или нет, – озабоченно вздохнула Мария Сергеевна, – да только она была грустная какая-то в последнее время.

– Последнее время – это с каких пор?

– Ну, я вам точно сказать не могу, но месяца два, наверное. Она и всегда-то была такая девочка задумчивая, тихая, а тут совсем загрустила.

– Вы не догадываетесь, с чем это могло быть связано?

– Да нет, откуда мне знать! Она со мной не делится своими секретами.

– А вам кажется, что у нее есть секреты?

– Не знаю я... Я это так сказала, в смысле, что мне она ничего не рассказывает. Может, иногда оно и надо, поделиться с кем, что на душе... А она не рассказывает никому. Да и то: кому рассказывать? Я ей, понятное дело, не подруга, а подруг-то у нее и нету. Одинокая она.

– Почему вы так думаете?

– Да что ж тут думать? Я вижу. Ни друзей, ни развлечений. Хозяин целыми днями на работе, приходит поздно, а она все одна и одна. Чего же веселого для молодой девушки в деревне-то?

– А как вы думаете, Мария Сергеевна, я хочу узнать ваше мнение, – подольстился Кис. – Отчего у нее нет ни друзей, ни развлечений? Может, муж ее из дома не выпускает?

– Да нет, что вы! Он очень добр к ней. Прямо как с куколкой обращается...

– Так что же ей мешает тогда развлекаться?

Женщина пожала худыми плечами:

– Дикая она. Сколько ее знаю, всегда такой была.

– Хм, «дикая»... Это как?

– Не знаю, как и объяснить-то... Ну вроде рачка: залезла в свою ракушку и сидит там, наружу не выманишь.

– Необщительная?

– Да не то...

– Неприветливая?

– Да бог с вами, совсем не то! Она и приветливая, и вежливая, не то что у моей Лиды: у ней хозяйка – вон там, три дома отсюда – такая халда! Только и умеет, что распоряжаться, и Лиду мою Лидкой зовет! Ишь, барыня! А сама-то ей в дочери годится! Лида уж не знает, что и делать – и тошно ей, и рада бы от них уйти, да деньги платют хорошие, а у ней мужа нет и сын пьяница... А Линочка совсем не такая, все норовит сама сделать и вежливая очень, меня Марией Сергеевной зовет... Я ей как-то говорю: да вы можете меня тетей Машей называть! А сама думаю: девочка сирота, ей ласка нужна... Я бы ее тоже на «ты» звала, как дочечку... Да куда там! Не приласкаешь ее! Как будто ледком подернулась душа... Так и зовет меня по имени-отчеству. И я ей выкаю. Дикая она.

«Как будто ледком подернулась душа», – отметил про себя Кис. Совсем в иных выражениях, но по сути то же самое сказал и Георгий... Надо будет разобраться, что за морозец приморозил это растение.

– Не знаете, у хозяйки никакой встречи на сегодня не было назначено? – спросил он.

– На сегодня – это на вчера, что ли? Как считать-то?

– На вчера, верно, на четверг.

– Про встречи я ничего не знаю, это вы у Гоши спросите, а вот дело у нее было одно назначено на четверг. По благотворительности дело. Пойдите-ка, как же я могла забыть! Пропала у нее тут одна вещь, нету сумки!

– Какой сумки?

– Дня два тому она мне говорит: «Приготовьте мне, пожалуйста, сумку к четвергу, я вещи отобрала для благотворительности». Вот ее и нету, сумки этой.

– А что в сумке было?

– Вот тоже, уж если вы спрашиваете про странности, так странно: обычно вещи ей складываю я, Линочка мне доверяет. Отберу что постарее, что попроще, ну, конечно, сначала постираю, поглажу, прилично все! А тут она сама все отобрала. Уж как жалко мне было то платье, что Линочка отдать решила! Так оно ей идет, так ей в нем красиво! Я ей даже прямо так и сказала: «Извините меня, Линочка, да только что же вы такое платье бедным отдаете? Им, бедным-то, в таких платьях и ходить некуда! А уж вам-то как оно идет, к глазам вашим синим! Не отдавайте, жалко же!» Да и другие вещи тоже – хорошие все, дорогие.

– А что она вам ответила?

– Да что ответила? Засмушалась. Я, говорит, всегда что подешевле отдаю, неудобно как-то, надо же и хорошие вещи отдавать, раз благотворительность... Мечтательная она. И книжек много читает. Все идеи-то, они из книжек берутся. Из простой жизни таких идей нет.

Кис не смог удержать улыбку. Мария Сергеевна сердито посмотрела на него.

– Сами-то вы, господин хороший, тоже небось книжки читаете?

– Да где уж мне, Мария Сергеевна, мне некогда, мне вот спать – и то по ночам не дают.

– Это верно, работа у вас такая незавидная... Вы не думайте, я не против книжек. Я и сама телевизор люблю смотреть, серии разные... Только ведь они навьдумывают там с три короба, а девушки молоденькие им веруют... А потом, в жизни, – раз, и все по-другому! Вот и делают они глупости, молодые, потом сами же горько плачут...

– Платье какое было?

– Лиловое... С открытой спиной, длинное. Куда в нем бедные будут ходить?!

– Когда вы последний раз видели эту сумку?

– Да вчера же! Когда уходила, в шесть часов. Я перед самым уходом отнесла в гардеробную к хозяйке поглаженные вещи. Сумка еще была на месте.

– А сумка сама – какая она?

– Да это всего-навсего большой пластиковый пакет, из магазина какого-то. Что-то там было написано – не помню, не по-русски было. Вишневого цвета.

– А из ее ручных сумочек можете мне сказать, какой не хватает?

– Могу. Я их чищу иногда, кремом натираю...

Они спустились в прихожую, и Мария Сергеевна перебрала все сумки в шкафу.

– Темно-синей нет. С белой каемочкой.

– Кожаная?

– А как же! У хозяйки все кожаные, хорошие, дорогие.

Кис сделал пометки в своем блокноте. Вернувшись в спальню Алины, Кис указал на ящички туалетного столика:

– Где хозяйка обычно хранит свои документы?

– Я что, по-вашему, по ящичкам лазию?

– Что вы, Мария Сергеевна, я вовсе так не думаю! – поспешил ее заверить Кис. – Я просто предположил, что вы иногда и внутри пыль протираете...

– А ведь верно, – удивилась она. – Протираю, редко, но протираю. Внутри-то не очень пылится... Вот в этом, – указала она на средний, – я там как-то паспорт ее видела.

Алексей покачал головой. Что бы там ни видела Мария, теперь там паспорта не было. Вчера Алина ездила записываться в библиотеку... Значит, брала с собой паспорт. На место не положила. Следовательно, ушла с ним?

– Скажите мне, Мария Сергеевна, вы, когда мусор из корзинки у хозяйки выбрасывали, не обратили внимания на какие-то особые конверты, записки, письма? Ничего не запомнилось?

– Да я не разглядываю, на что мне? Выбросила – и чисто, и все дела. Один раз только запомнила, потому что удивилась: уж больно мелко она его изорвала.

– «Его»?

– Письмо, так я думаю.

– Свое или чужое?

– Так я вам сказать не могу с точностью, а думаю, что чужое. И вроде не разобрать ничего, а все же будто почерк не Линочкин. Крупный какой-то. А Линочка пишет маленькими буквами, аккуратненькими...

– Давно это было?

– На Пасху. Я запомнила, потому что с праздником ее поздравляла, – на Пасху-то я не работала, выходной, но я ей яички принесла, сами разве ж покрасят! Куличик тоже... А она

вроде грустная, даже сердитая какая-то. Я так и запомнила: рассердилась она на письмо, стало быть, вот и разорвала.

Странно, что секретарь ничего не сказал ему об этом письме. Не видел? Забыл?

– Мария Сергеевна, почту у вас кто вынимает?

– Гоша, кто же еще?

– Значит, он то письмо должен был видеть?

– Должен, а как же! Хотя... Бывает, что Линочка и сама ящик открывает. Тогда она дает Гошке почту зарегистрировать – у нас тут такой порядок заведен.

– Ну спасибо, Мария Сергеевна. Пока у меня вопросов больше нет.

– Да что уж там, спасибо говорить. Вы, главное, найдите ее поскорее, Линочку. А то как бы с ней не приключилось чего... Она сама-то такая неумеха! Вот, послушайте, взялась она готовить. Готовить она не умеет, книжки пооткроеет, разложит и давай бегать от книжек к плите. Только посуду роняет... Я ей говорю: «Давайте помогу», – а она упрямится: «Нет, я сама должна научиться». Упорная она... В школах их разве чему научат? А родителей нет, сиротка. Вот ничего и не умеет! Только аккуратная очень. Постельку всегда сама заправит... Ну и вот, бывает, что испортит все, выбросит и сначала готовить начинает...

Глава 8

Голова Марго исчезла. Люк захлопнулся, повернулся ключ.

Все это было до такой степени неправдоподобно, что Аля даже не нашла слов, убедительных слов, чтобы объяснить Марго, что какой бы ни был у нее «гениальный» план, все это напрасно: денег таких у Али нет. Этот общий счет, на который Алекс каждый месяц переводил определенные суммы денег, был на самом деле предназначен для домашних нужд, для ее покупок, для подарков, благотворительности и мелких прихотей; там было, может быть, на данный момент тысяч десять, если считать на доллары, или меньше – но не больше. Счет, на котором были действительно крупные суммы и с которым проводились финансовые операции, существовал отдельно и на имя Алекса, и никакого доступа у Али к нему нет. Сколько там, она даже не знает, но полмиллиона долларов?! Бред. Таких денег у Алекса нет. Так что, как бы ни хотелось этого Марго, ничего у нее не выйдет.

Интересно, а что же это за «планчик», что она такое придумала? Аля пожалла плечами и уселась на низкую постель, обняв колени. Какая разница, в конце концов.

«Который сейчас час, интересно? Полдвенадцатого, должно быть... Знает ли Алекс, что меня нет? Скорее он все еще сидит за своим столом, рассматривая на свет диапозитивы и делая записи на компьютере... Хорошо, что я письмо не оставила... А то бы Алекс мог увидеть письмо и подумать, что я от него ушла, вот так, ночью, тайком, не сказав ни слова...»

А может быть, так было бы лучше? Я все равно собиралась уходить... Может, вообще не возвращаться домой? Алекс утром увидит, что меня нет... Что он подумает? Будет ли меня искать?»

Аля попыталась себе представить Алекса, его реакцию, его поступки – и не смогла.

«А я? Что я буду делать? У меня даже документов с собой нет... Хотя есть сумка, я же взяла ее с собой! Марго ее отобрала... В ней паспорт, права. Правда, оттуда что-то выпало. А если это паспорт выпал? Куда я пойду? Ни паспорта, ни машины, ни денег – Марго, наверное, заберет то, что есть на счету...»

Бог мой, о чем я думаю! Сейчас надо с Марго разобраться, а насчет планов на будущее – потом.

...Может, лучше все-таки вернуться домой, поговорить откровенно с Алексом? Он поймет. Поймет, да. Я ему все объясню, я сумею объяснить. Теперь, когда я это написала на бумаге, мысли в моей голове стали яснее...»

Звякнул ключ. Люк распахнулся, и Гена, бегло глянув на Алю, молча спустился обратно.

– Эй, ты чего там, уснула уже? Поди сюда, – раздался снизу голос Марго.

Аля спустилась.

В комнате горел яркий свет – были дополнительно включены старый рыжий торшер в стиле 60-х годов и зеленая настольная лампа. Аля не успела сообразить, зачем ее позвали и к чему это освещение, как из соседней двери выплыла Марго, одетая в вечернее платье Алины. Не сказать, чтобы ей шел лиловый цвет, но платье сидело на ней отлично, подчеркивая стройную талию и открывая смуглую спину.

– Ну как? – прошла по комнате Марго походкой манекенщицы. – Я тебе нравлюсь?

– Тебе идет, – рассеянно ответила Аля.

– Хорошенькое платьице у тебя... Вернее, теперь у меня. Тебе не жалко?

– Нет.

– Правда не жалко?

– Правда.

– Это потому, что мы подруги, да? Тебе не жалко для подруги, да?

– Я не знаю, почему мне не жалко... Не жалко, и все.

– Ну и хорошо!

– Это бессмысленная затея у тебя, Марго... Если мы подруги – то с подругами так не поступают!

– А как это я с тобой поступила? Никак я с тобой не поступала! – разглядывала свою спину в небольшом зеркале на стене Марго.

– Ты меня похитила!

– Я? Тебя? Похитила? Ты чего?! – Марго изогнулась перед зеркалом. – Сама напросилась в гости, а теперь на меня сваливаешь!

Аля, остолбенев, смотрела на нее.

– Филиппчика, сказала, повидать охота, давно не виделись... – любовалась своим отражением Марго.

Аля села на перекладину лестницы, сраженная этим наглым враньем. Впрочем, Марго всегда была такая, это ее стиль, Аля просто забыла, отвыкла.

– Отвези, сказала, меня к старым друзьям, а то скучно мне без вас всех и без Филиппчика особенно...

Аля только покачала головой – слова у нее не нашлись. У нее никогда не находились слова, чтобы ответить Марго, в речах которой перемешивались наглость, хотя и мелкое, вранье и ядовитые, но тонкие колкости.

– Ты правда считаешь, что мне идет, Аль? – деловито спросила, медленно поворачиваясь перед ней, Марго.

Это была еще одна ее черта, которая была за пределами понимания Али: внезапная перемена тона и отношения. Каждая ее интонация была сиюминутна – будь то хамоватая грубость или нежная дружественность, – и ничего за собой не вела, ничего не обещала, ни о чем не свидетельствовала. Ни на одно из чувств Марго, ни на одно ее настроение нельзя было положиться.

– Ты знаешь, чего мне к платью не хватает? – вдруг озабоченно произнесла подруга детства. – Бриллиантика!

Аля непроизвольно спрятала руку за спину.

– Это свадебный подарок Алекса, Марго! Я тебе его не дам!

– А мне и не нужен твой, никудышный!

Марго смотрела на Алю, ожидая реакции на свои слова. Реакции, однако, не было. Аля молчала, не понимая, к чему клонит бывшая подруга.

– Ладно, так и быть, я тебе скажу секрет, все равно ты никуда до утра не денешься! – Марго сделала заговорщическое лицо. – Завтра пойдешь со мной – с нами, – поправились она с тонкой улыбкой, давая понять, что Аля будет под охраной, – к Картье. И купишь мне бриллиантик. И не такой, как у тебя, у тебя слишком... – она выдержала эффектную паузу, – маленький! А мне ты купишь большой, очень большой. Да не один – пять. Я их уже присмотрела. На все пятьсот тысяч. Вот так-то, милая. А ты думала, глупенькая, что я с тобой в банк попрусь? Э-э нет, мы с тобой за бриллиантиками отправимся... Вот и все дела. И пойдешь домой, к папашке.

Аля сняла очки и потеряла переносицу.

– Ты сошла с ума, Марго. Ты сошла с ума. Что ты будешь делать с бриллиантами? Продавать?

– Не твоя забота. Я знаю, что я с ним буду делать.

– Продавать, понятно. – Аля посмотрела на нее сосредоточенно. – Ничего у тебя не получится.

– Это почему еще? Ты в милицию, что ли, сообщишь? Так мы обернемся быстрее, чем ты очухаешься. Не найдут. У нас все продумано!

Одно хорошо, подумала Аля: они, кажется, собираются ее отпустить. Правда, после того, как получат свои бриллианты... А в этом-то и была вся загвоздка!

– Не в этом дело... – произнесла она. – У меня нет таких денег на счету.

– А знаешь, ты мне хорошую мысль подала! Давай сюда свое колечко.

– Нет!

– Да не бойся ты! Я тебе завтра его верну. Это на сегодня только, к платью. А завтра – ты мне сама купишь бриллианты... Правда же?

– Господи, это бред какой-то!

– Ну, не жадничай, дай мне колечко поносить! – дурным голосом заканючила Марго. – Колечко, колечко, хочу колечко, дай поносить! – затопала она ногами, как истеричный ребенок.

– Свадебные подарки не дают поносить, Марго!

– А ты мне дашь! – разозлилась Марго. – А не дашь... Фили-ипп, а Фили-ипп! – капризно затянула она. – Па-ади-ка сюда...

– На. – Аля, бегло глянув на Филиппа, быстро стянула с пальца кольцо и отдала его Марго.

– Не на-а-адо уже, Филипп, все обошлось...

Филипп угрюмо потоптался на месте и сел обратно.

– Жадная ты стала, Аля! – Марго осуждающе покачала головой. – Раньше ты такой не была. – Она делано вздохнула. – Эх, портят деньги людей!

Аля всегда терялась, когда Марго начинала устраивать «спектакли», и сейчас тоже не знала, как себя вести, что сказать – или промолчать... Она выбрала последнее.

Марго любовалась ее кольцом, поворачивая кисть на свету так, что бриллиант вспыхивал огненными гранями. Затем она вновь направилась к зеркалу и стала рассматривать себя и махать рукой, жадно ловя в зеркале бриллиантовый блеск.

– Ох, до чего же хороша я! – повернулась она, наконец насладившись своим отражением. – Правда?

Ее команда ответила ей нестройным, но лстивым хором. Аля промолчала.

– Что молчишь? – вскинулась Марго. – Не нравлюсь? Думаешь, ты лучше меня?

– Оставь меня в покое, Марго, – тихо произнесла Аля.

– Нет, ты скажи, скажи! Ты считаешь, что красивее меня, да? И платье тебе больше идет, да? Говори!

Аля молчала. Да и что на это можно было сказать?

Марго тоже замолчала и уставилась на Алю тяжелым, злым взглядом. Некоторое время она мстительно и сосредоточенно рассматривала Алю и вдруг махнула рукой:

– Раздевайся!

Аля вместо ответа отпрянула назад, к лестнице. Марго почти прыгнула за ней вслед и больно схватила ее за запястье сильными тонкими пальцами. Вытащив Алю снова в круг на всеобщее обозрение, она снова скомандовала:

– Раздевайся, я сказала!

Аля не шелухнулась, не понимая, что затеяла бывшая подруга. Тогда Марго потянулась к Але, ухватила за резинку на талии и потащила ее юбку вниз, к полу. Стащив до щиколоток, она пихнула Алю так, что та была вынуждена переступить через юбку, и Марго, победно покрутив Алину юбку над головой, размашисто отправила ее в угол. Мужчины наблюдали молча за разворачивающейся сценой, тоже, видимо, не понимая, куда клонит Марго.

– Руки вверх! – снова скомандовала Марго и, наткнувшись на недоуменный Алин взгляд, почти взвизгнула: – Руки подними, я сказала!!!

Аля, глянув на молчаливую свиту, на разъяренную Марго, нехотя выполнила приказание, и в одно мгновение с нее соскользнула ее бежевая майка.

Аля осталась стоять в одном белье, в том восхитительном, кофейно-золотистом шелковом гарнитуре, который она купила в Париже, когда была там с Алексом. Купила для себя –

они с Алексом ложились в разное время, да и спали в разных комнатах, так что ему не доводилось оценить ее покупки, – но Аля страстно любила красивое белье. В нем была какая-то секретность, какая-то интимность: оно было предназначено не напоказ, не для посторонних глаз, как верхняя одежда, здесь не надо было думать о чужом мнении или моде – здесь все было только для нее и по ее прихоти. Вот и этот гарнитур из кофейного, с золотым отливом шелка был ее прихотью, капризом, причудой: бюстгальтер марки Wonderbra поддерживал ее небольшую грудь так, что она возвышалась двумя снежными полушариями на манер декольте прошлого века; маленькие трусики по той их стороне, что должна прилегать к бедру, не прилегли вовсе, а волнились шелковой искрящейся оборкой, в своей волнующей тени приоткрывая нежную, белую, беззащитную кожу...

Марго рассматривала ее придиричиво. В полной тишине стало слышно сопение Филиппа, и, глянув мельком в его сторону, Аля успела заметить, как плотоядно заблестели его глаза. Краем глаза она прихватила и любопытно-брезгливое выражение лица Гены. На Антона не стоило даже смотреть: выражение его лица никогда не менялось – оно всегда было дебильным, с непроницаемо-пустым взглядом и крупным, чувственным, ярко-красным ухмыляющимся ртом.

– А ты ничего... – протянула Марго. – Но я все равно лучше! Правда, мальчики?

Она обернулась на своих дружков и усмехнулась, приметив разгорающийся блеск в глазах Филиппа. Поразмыслив секунду, Марго стащила с себя через голову платье и встала рядом с Алей, присогнув одну ногу в колене и откинувшись немного назад, как это делают манекенщицы. Марго была хороша, и белое белье смотрелось на ее смуглом теле эффектно.

– Вы только посмотрите, какая она белая! – мотнула пренебрежительно Марго головой в сторону Али. – Прямо глиста в обмороке!

В ответ раздалось ржание Антона и вежливое хихиканье Гены.

– И еще белье надела коричневое! Где это видано – коричневое? Это какой же вкус надо иметь, чтобы нацепить на себя трусы цвета школьной формы!

Аля смотрела в пол, боясь поднять глаза на непрошеную публику.

– На! – Марго швырнула лиловое платье Але. – Надень! Я сравнить хочу!

Вот оно что! Марго, оказывается, все никак не успокоится, все соревнуется, кто краше!

Аля стала было натягивать платье, как вдруг снова раздался окрик Марго:

– Постой-ка!

Она выдернула платье из рук Али и, обхватив ее, будто хотела обнять, вдруг шелкнула застежкой Алиного лифчика, резко сдернув бретельки с плеч.

– А то ишь, в таком лифчике даже сиськи старой негритянки покажутся силиконовыми! – прокомментировала подруга детства. – Ты ручонки-то отведи от сисек, а то что я, по-твоему, рассматривать буду? Мы, – поправила она со смешком, глянув на Филиппа, – рассматривать будем, правильно, мальчики?

И с этими словами она развела Алины руки в разные стороны.

Аля стояла ни жива ни мертва. Этот стриптиз распялял Филиппа, его дыхание уже было похоже на приближающийся паровоз, и Марго нарочно провоцировала его. Аля не понимала зачем...

– Тоже мне, подумаешь, было бы что прятать! Кого испугалась? Кому ты тут нужна, на тебя глазеть? Антоше твои сиськи ни к чему, у него в распоряжении получше есть! – И Марго быстро выпростала свою грудь, как бы желая уточнить, что именно есть в распоряжении у Антона.

Ее грудь была практически одного размера с Алиной и, как у Али, весьма привлекательной формы, но сейчас Аля была явно в невыигрышном положении: ее кожа покрылась от холода мурашками, светлые соски жалко сморщились...

– Гене твои сиськи и вовсе без разницы, он другим полом интересуется – и с другой стороны, – хихикнула Марго, – а Филиппчику... Ну, ему, может, и сойдет... У тебя в принципе ничего сиськи... Жить можно, – заключила Марго и снова швырнула ей платье: – Надевай!

Аля натянула. Марго развернула ее перед парнями:

– Ну, кому больше идет?

– Те-бе, те-бе! – заорал Антон, словно он был на футбольном поле.

Гена молча покивал в знак согласия. Только Филипп, не отрывая взгляда от Али, промолчал. Марго с удовлетворением посмотрела на него и промолвила нежным голоском:

– Ну а тебя, Филиппчик, я не спрашиваю! С тобой все ясно. Всем давно известен твой... плохой вкус!

И она залиvisto рассмеялась. Ей громко вторил гогот Антона. Филипп не проронил ни звука. Только яростно блеснул глазами.

– Ну все! Поносила – отдай!

Она приняла лиловое платье из рук Али и швырнула ей ее бюстгальтер. Понаблюдав некоторое время, как Аля застегивает лифчик, она вдруг встрепенулась.

– Ох, засиделась я тут с тобой! – наигранно произнесла она. – Некогда мне, мы сегодня в ресторане ужинаем! А ты – баиньки, тебе отдохнуть надо. Мы тебе Филиппчика оставляем, чтоб тебе не страшно одной было! Он, можно сказать, жертвует собой, от ужина в ресторане отказывается, чтобы тебе компанию составить! Оцени! Ну, давай, дуй наверх!

Она сунула комок Алиной одежды ей в руки и подпихнула ее к ступенькам. Аля, прижимая одежду к груди, принужденно поднялась наверх.

– Пока, подружка! – донесся снизу голос Марго. – Спокойной ночи! Я завтра в девять приеду – и вперед, за бриллиантками!

Марго поплыла к дверям комнаты, обернулась на пороге, театрально махнула рукой и воскликнула звонко:

– Пошли, мальчики!

Вслед за ее словами закрылся люк на чердак и повернулся в замке ключ.

– Постой, Марго! – закричала Аля. – Постой, слышишь! Марго! Где я тебе возьму такие деньги?! У меня их нет!

Бесполезно. Было слышно, как компания отодвигала стулья, вставая.

Аля принялась рассеянно одеваться. В комнате стояла духота. В голове все так же звенело, и она никак не могла унять этот звон. Сердце колотилось. Мысли путались. Она никак не могла сосредоточиться и обдумать, что случилось.

Этого не может быть, это неправда, это сон, это бред! Я домой хочу, они не имеют права!!!

Аля забарабанила в дверь люка.

– Открой, Марго, открой! Слышишь, открой! Отвези меня домой, Марго!

– Заглохни! – раздался снизу голос Марго.

– Выпусти меня! – с удвоенной силой забарабанила Аля в люк. – Слышишь, Маргошка, выпусти немедленно!

– Блин, она нам так всех соседей тут поднимет! – раздраженно воскликнула Марго.

– И подниму! – как можно громче, для пущей убедительности, крикнула Аля прямо в деревянную крышку люка. – Вы не имеете права меня тут держать!

– А это мы посмотрим!..

Повернулся ключ. Аля отпрянула от деревянного квадрата. Люк открылся. На чердак поднялся Филипп. Позади, внизу стояла вся компания, готовая на выход, и смотрела на них, задрал головы.

Аля отступила на шаг.

Рука Филиппа взлетела и со всего размаха опустилась на ее щеку.

Антон заржал.

Звон в голове превратился в оглушительный грохот. Аля покачнулась. Ее очки съехали набок. Ее губы задрожали. Щека горела, и все поплыло от слез.

Филипп ухмыльнулся.

Его светлая голова исчезла в проеме люка, и дверца закрылась за ним.

Потом она слышала, как Марго произнесла:

– Не вздумай заходить к ней до утра. Она теперь шуметь не будет... Не трожь ее, понял? А то всю игру испортишь! Смотри, Фил, я у нее завтра спрошу, как ты себя вел. Я в девять приеду. Понял?

– Понял, – буркнул Филипп.

– Ох, самой бы мне здесь остаться... Да надо алиби делать! Если что – мы сейчас в ресторане, до закрытия. Потом – дома. Смотри, стереги ее хорошенько. Окно, конечно, высоко, но мало ли... Не спи! Пошли, мальчики, сегодня гуляем!

Скрип половиц под тяжестью шагов.

Звук закрываемой двери.

Мотор удаляющейся машины.

Тишина.

Звон в голове.

Горящая щека.

Духота.

Аля не знала, сколько времени она провела вот так, сидя на тюфяке, уставившись в пол почти без всяких мыслей. Наконец она поднялась, погасила свет и открыла окно. Скрипнули створки. Ночь неслышно вошла в окно, распахнула перед ней свои звезды, обвеяла душистой прохладой. Аля раздула ноздри, вдыхая.

Внизу раздалась шаги.

В замочную скважину лег ключ.

И замер.

Молчание по обе стороны дверцы люка. Страшная, опасная тишина.

Она слышала дыхание Филиппа. Он стоял и дышал за дверцей.

Алю охватил ужас.

Она схватила стул и подняла его над головой.

Тихо звенели секунды.

– Закрой окно, – сказал он наконец по ту сторону дверцы.

Аля не сразу поняла.

– Закрой окно! – сказал он громче, и ключ нервно брякнул в замочной скважине.

Аля поставила стул на место и бросилась к окну.

– Все, я закрыла, – сказала она дрожащим голосом. Она хотела, но не могла унять дрожь.

У нее дрожало все: руки, колени, губы...

Шаги, помедлив, удалились.

Аля завернулась в одеяло и легла.

Дрожь понемногу утихла, и вскоре она забылась нервным и горьким сном.

Глава 9

Алексей нашел Мурашова в кабинете. Тот сидел, задумавшись, и не отреагировал на появление детектива. В свете разгоравшегося дня стало заметно, как осунулось лицо Александра после бессонной ночи, как на холеных щеках проступила колючая темная щетина, придав ему сходство с одним популярным актером. Кис провел рукой по собственной щеке: щетина также имелась в наличии. Неплохо было бы поехать домой, побриться, принять душ. Хорошо бы и поспать, но эта возможность пока не предвиделась.

Он сел в кресло возле письменного стола, наискось от Александра, который молча налил себе и ему коньяку.

Наконец Мурашов заговорил:

– Я полагаю, что похитители обычно звонят и требуют выкуп?

– Да. Только я полагаю, что вашу жену не похитили. Я полагаю, что она ушла сама.

Мурашов молча взглянул на него. Кис подождал вопроса, но так как его не поступило, он продолжал:

– Вам знакомо платье вашей жены (он зачитал по бумажке, составленной под диктовку Марии Сергеевны): «длинное, до щиколоток, спина открытая, цвет лиловый, рукав три четверти»...

– Знакомо.

– Вы не знаете, какие у нее были виды на это платье?

– Мы как раз вчера о нем говорили... Погодите... Кажется, она собиралась его надеть на нашу годовщину. Или нет, наоборот, это я ей предложил... предложил его надеть на нашу годовщину..

– Она могла его отдать кому-нибудь? В смысле, она им не очень дорожила, чтобы отдать?

– Лина вообще ничем не дорожит особенно. Она... Мне трудно вам это объяснить... Она не похожа на других женщин.

Кис вздохнул.

– На данный момент, – сказал он, – я вижу только одно объяснение: ваша жена ушла от вас. Или, точнее, ваша жена ушла сама. Ее никто не похищал.

Алекс бросил на него быстрый обиженный взгляд и уставился в свою рюмку.

– Меня весьма занимает разорванное в клочки письмо, о котором вам ничего не известно, но я пока не знаю, связано это или нет с уходом вашей жены.

Алексей сделал паузу, ожидая вопроса. Мурашов молчал.

– Ваша домработница, в отличие от вас, обратила внимание на то, что последние два месяца Лина была грустна и несколько подавлена. Это примерно совпадает со сроками получения письма. Вас это не наводит на мысль о шантаже?

Мурашов с недоумением уставился на Киса.

– Ваша жена не тратила крупные суммы денег в последнее время? Не было ли каких-то необычных расходов или снятий денег со счета?

– Нет. Необычных – нет.

– У нее отдельный счет в банке или общий с вами?

– Общий.

– То есть вы бы заметили, если бы что-то было не так... Посмотрите, не пропало ли что из драгоценностей вашей жены.

Они сходили снова в спальню Али. Мурашов подтвердил, что все на местах. «Вроде бы».

– Так что и вероятность шантажа сводится к нулю, – заключил Кис. – Где ваша жена хранит свои документы, паспорт, например?

– У себя, – удивился Мурашов. – То в спальне – у нее там куча ящичков, если вы заметили, – то в сумке, когда их берет с собой.

– Что ж, это лишний раз наводит на мысль, что она ушла сама. Смею вас в этом заверить, – продолжал Кис. – Она приготовила пакет с вещами, якобы для благотворительности. В этом пакете, по словам Марии Сергеевны, были против обыкновения очень хорошие вещи. Кроме того, пакет исчез вечером, уже после ухода вашей домработницы, из чего я делаю вывод, что ваша жена сама ушла с ним, и вещи она приготовила для себя. Она также взяла с собой свою сумку и свои документы. Согласитесь, когда вас похищают, вы вряд ли имеете время и возможность все это прихватить с собой. Кстати, на счету, которым пользуется ваша жена, находятся крупные суммы денег? Я имею в виду такие, чтобы можно было жить какое-то время самостоятельно: снять квартиру и прочее?

– Достаточные... На первое время.

– Сами видите, выводы напрашиваются... В любом случае это пока предварительные выводы, я могу ошибаться. Тем не менее ваш секретарь подтвердил, что Алина никуда не отлучалась из дома вчера вечером – до своего исчезновения, разумеется, и, следовательно, не могла передать пакет с вещами в какую-либо организацию.

Мурашов продолжал хранить молчание. Его приторная любезность куда-то пропала.

– Георгий утверждает, что он бы заметил, если бы ваша жена отлучилась надолго; кроме того, она всегда его предупреждает, когда уходит.

Молчание.

– Я предположил, что могли приехать из общества за вещами, и Алина просто вынесла их из дома и отдала, – в этом случае ваш секретарь мог и не заметить такого маленького события. Но он настаивает, что это невозможно, так как у этих обществ нет достаточных средств для сбора вещей и они никогда никого не посылают за ними по домам и тем более по вечерам. Из чего следует, что пакет с одеждой был приготовлен для самой Алины и она ушла с ним. И с документами.

И это сообщение осталось без ответа.

Кис тоже помолчал, попивая коньяк – на сей раз маленькими глотками. Мурашов, гад, был прав – так коньяк действительно вкуснее...

– Ваш секретарь – он откуда? Как он к вам попал?

– Он из Орла... Подался в столицу в поисках заработков, на стоянке при супермаркете охранником работал. Я несколько раз парковал там машину... Однажды он мне сказал: что ж вы, мол, на такой классной машине разъезжаете, а сами вынуждены по магазинам ходить и за продуктами следить? Сразу видно – ни жены, ни домработницы. И, главное, охраны у вас нет. А в наше время это легкомысленно! Я посмеялся... Наблюдательный мальчик. Вот, говорю, не удосужился завести себе ни жену, ни охранника... «Насчет жены – это правильно, – поддержал он, – женщины умеют только тратить. Вам надо мажордома завести – недаром в Англии на эту должность всегда брали только мужчин. Могу предложить свою кандидатуру: буду вас охранять – я Чечню прошел – и дела ваши вести...» Я снова посмеялся – расторопный парень! – и взял его.

– Очень рискованно – вот так, без рекомендаций, не зная человека! Не обсчитывает?

– Я на него могу во всем положиться. Он ведет хозяйство безупречно. Совершенно незаменимый в доме человек... Преданный.

«Преданный»? Лично у Киса были в этом сомнения. Хотя, кто его знает, Алексу он, возможно, и предан. Георгий принадлежит, несомненно, к рабскому племени, готовому в лепешку разбиться для своего покровителя... До поры до времени, впрочем. Рабская натура – мстительная, всегда готовая к свержению тех, кому «преданно» служила...

– Давно это было?

– Четыре года тому.

Значит, Георгий уже с год царствовал в доме Алекса, когда появилась Алина. И «мажордом» принял новую хозяйку в штыки. Предприимчивый и пройдошистый, он воспринял ее как соперницу...

Странная, однако, беспечность со стороны Алекса: взять в дом совершенно незнакомого человека с улицы... Захотелось в демократа поиграть? Как со спальней Алины, которая не «соответствует его вкусам»? Должно быть. Алекс – по всем признакам сноб, а снобы любят иногда делать демократические жесты, с народом брататься...

– Вы хотя бы навели справки о его прошлом?

Алекс усмехнулся:

– Вы прямо как мой заместитель Сева! Он тоже мне надоедал, что надо бы проверить парня...

– Ну и как? Проверили?

– Сева что-то узнавал. Да ничего особенного не выудил. Нормальный парень, старательный.

– Я могу с этим Севой поговорить?

Алекс удивленно уставился на Киса:

– Вы в чем-то подозреваете Георгия?

– Я пока никого не подозреваю. Чтобы подозревать, нужна информация. Вот я и пытаюсь ее найти.

– Пожалуйста... Позвоните завтра на работу, вот телефон, Всеволод Владимирович...

– У вас в доме сквозняки? – спросил Кис, переписывая номер к себе в блокнот.

– Не понял?

– Георгий сильно простужен. Сквозняки, говорю?

– На такой жаре легко простудиться... Куда-то ездил в субботу, у него выходной полсубботы и воскресенье. И простудился.

– Куда он ездил? К родственникам? Друзьям?

– Родственников у него в Москве нет. Вроде он к кому-то на день рождения ездил, наверное, к друзьям... Послушайте, вы моего секретаря в чем-то подозреваете?

– Я так спрашиваю, по профессиональной привычке... Вернемся к вашей жене. Для того чтобы понять, замешано ли в этой истории разорванное письмо, мне нужно узнать как можно больше о ее прошлом. Нельзя, в конце концов, исключить, что это письмо было любовным... А для того, чтобы понять, действительно ли она ушла от вас, мне нужно как можно больше узнать о ее настоящем. То есть о ее жизни с вами.

– Она не могла меня бросить, – сообщил наконец невпопад Мурашов. – Она меня любит.

Алексей внимательно посмотрел на него. Нервное напряжение, бессонная ночь и коньяк сделали свое дело, и он был не то чтобы пьян, но и не совсем трезв. «Тем лучше, – подумал Кис, – проще будет разговаривать».

– Расскажите мне все, что вы знаете о прошлом Алины.

– Я вам уже все рассказал, – удивился Мурашов.

– Этого мало. Сколько лет вашей жене?

– Двадцать пять...

– Вы женаты три года, и до этого у нее была какая-то своя жизнь. Где? С кем? Кто были ее друзья?

– Ну Катя, ее подруга детства...

– Это я знаю. Видал ее письма. Катя живет по-прежнему в Наро-Фоминске, и я к ней съезжу сегодня же. А с каких пор живет в Москве Алина? Вы ведь с ней в Москве познакомились?

– Да, она жила уже в Москве к тому времени, – Мурашов крутил в руках пустую рюмку, – года два или три, наверное. Работала секретаршей. Она и к нам секретаршей пришла наниматься. Мы тогда переехали в новое здание, набирали персонал, дали объявления в газеты...

– А где она до этого работала?

– Я уже не помню название конторы...

– И где жила?

– Она снимала комнату в районе проспекта Мира... Вам нужен адрес? Я посмотрю, может, где-то есть в бумагах...

– Вы у нее были? С ее друзьями встречались?

– Нет. Мы познакомились так быстро, и все произошло так стремительно... Я предпочел не задавать вопросов о ее прежней жизни.

Интересно, Алекс действительно так беспечен? Ничего не разузнал о Гоше, которого взял не просто на работу, а доверил ему дом; не расспросил свою будущую жену о прошлом... Нежелание копаться в подробностях, которые могут оказаться неблагоприятными? Слепое доверие? Или уверенность, что, переступив порог его дорогого ухоженного дома, благодарные счастливики не подведут своего благодетеля?

– Почему? Вам казалось, что у нее не слишком приличное общество? Недостаточно приличное прошлое? – атаковал Мурашова детектив. – Почему вы не заинтересовались ее знакомыми?

– Знаете, я предпочитаю общаться в своем кругу. Я трудно нахожу общий язык с людьми не моего круга... И потом, она мне сказала, что у нее нет друзей.

– И даже никакой подружки нет?

– Я вам уже говорил, у нее одна подружка детства, Катя, – в голосе Алекса зазвучало раздражение.

– А в Москве? Неужели во всем городе не нашлось для молодой девушки близкой подружки? Вы находите это нормальным?

– Она сказала, что у нее нет никого! – разозлился Алекс.

Детективу это почему-то понравилось. Наверное, потому, что, разозлясь, Мурашов наконец обнаружил нормальные человеческие эмоции, которые не казались фальшивыми.

– Почему я должен ей не верить? – нетрезво-запальчиво продолжал Алекс. – К тому же, если бы у нее были действительно какие-то друзья, то она бы их пригласила на нашу свадьбу, не так ли? А была только Катя!

Надо так понимать, что Мурашовым все же руководило доверие? Такое вот прекраснодушное доверие к людям? Как же он бизнесом занимается, бог мой? Впрочем, книги по искусству – это, наверное, не совсем тот бизнес, в котором каждый затылком чувствует дуло пистолета...

– По-вашему, у нее не было и мужчины в то время? – доставал издателя неумный Кис.

– Ну, наверное, не было, – пожал плечами Мурашов. – А то как бы тогда могло все это между нами случиться?

– «Любовь с первого взгляда», как писали в прессе?

– Что-то вроде того.

– Вы мне можете рассказать, как это произошло?

– Это необходимо? – Александр наконец взглянул на Киса.

– Желательно.

Александр помолчал, теребя рюмку, наконец поставил ее и снова взглянул на Киса.

– Как я вам уже сказал, – начал он тихо, – мы только что переехали. Я возглавлял издательство уже четвертый год, дела пошли очень хорошо, и все начали приставать ко мне: женись да женись. Мои друзья скорее шутливо, а папины друзья – они все люди больше армейские, старой закалки, да и посты у них были всю жизнь нешуточные... Так вот, они прямо-таки

настаивали. А то, мол, неприлично. Ну знаете сами, наверное, – это звезды ищут скандалов, а деловой человек должен быть женат и вести благопристойный образ жизни... Некоторые стали всерьез подозревать, уж не гомосексуалист ли я... Мне, по правде говоря, жениться не хотелось. Я отдавал себе отчет в том, что я богат, занимаю хорошее положение в обществе, внешностью тоже не обделен – девушки сами в постель просились...

У Мурашова сделалось неприступное лицо, словно Кис был та самая девушка, которая просилась к нему в постель. Кис чуть не прыснул со смеху.

– Нынешние девушки, если вы заметили, – продолжал Мурашов, – делятся на два типа: у одних глаза голодных щенков-попрошаек, еще немного, и кажется, кинутся к тебе, виляя хвостом, и лизнут руку: «Возьми меня!»; у других, наоборот, на лбу вывеска-ценник: «Попробуй подойди! Я стою дорого!» И те и другие пытаются мне что-то продемонстрировать, навязать какие-то отношения: то ли благотворительности, то ли купли-продажи...

Странное дело, Кис вроде тоже живет в Москве и ездит, и ходит по тем же улицам, и видит, стало быть, тех же девушек, только почему-то Кису никто ничего не хочет продемонстрировать. Ни руку лизнуть, ни навязать!.. В пушистых ли ресницах разница? Или в том, что по одним и тем же улицам они ездят на разных машинах? Женская навязчивость как реакция на иномарку?

– ...А я не люблю ни угодливость, ни натужные демонстрации, – продолжал Алекс. – Может, оттого, что я долго жил на Западе, я ценю в людях самодостаточность, сдержанность, умение жить своей жизнью и уважать себя вне зависимости от собственного материального положения... Но все же я стал подумывать – дело к сорока, вроде бы действительно пора жениться... И даже уж было решился найти одну свою бывшую любовницу... И тут как раз пришла Лина.

Он задумчиво налил себе еще коньяку, забыв предложить на этот раз детективу, и замолчал. Кис не мешал ему, понимая, что в этот момент человек не просто вспоминает, но и заново оценивает свои воспоминания, поступки, жизнь...

...Алекс был талантлив. Алекс был красив. Алекс был блестящ и успешен. Алекса окружал тот ореол роскошной жизни и изысканных манер, который был присущ немногим избранным, вырывавшимся из-за железного занавеса поглядеть на мир. К восемнадцати годам Алекс имел больше женщин, чем иной мужчина за всю свою жизнь. Он их не искал – они за ним охотились сами. Он просто плыл по течению, а вокруг него резвились стайками мелкие рыбешки-одноклассницы, заплывали крупные рыбки бальзаковского возраста из темных вод художественной богемы – Дом художника, Дом архитектора, Дом кино и прочие дома всех видов творчества обильно плодили эту породу в своих заводах. В юном Алексе, помимо вышперечисленных достоинств, на которые так падко женское сердце, их притягивала какая-то наивная честность, шедшая от воспитания отцом-военным, человеком принципиальным, с твердыми, даже жесткими, представлениями о долге и чести. Наткнувшись на один из таких принципов, можно было расшибить лоб, как о бетонный столб; но между этими столбами клубилась податливая материя повседневной жизни, и отец Алекса умел лавировать в ней с простодушной мужицкой хитрецей, которая и позволила ему сделать карьеру. И эту хитрецу Алекс тоже унаследовал, и именно благодаря ей он ловко и быстро выпутывался из сетей, раскинутых дамами всех возрастов, не позволяя затянуть себя в отношения, начатые не по его инициативе и не имеющие для него особой ценности – во всяком случае, достаточной ценности, чтобы их продолжать. Вот если бы он сам начал...

Но он не начинал – никогда. Он не успевал захотеть женщину, понять, что она желанна, – как она у него уже была. Конечно, не все вешались на шею – но тех, других, у него просто не было времени заметить и ими заинтересоваться: на его шее вечно кто-то висел, его вечно кто-то покрывал поцелуями обожания и восхищения.

К девятнадцати годам Алекс так и не узнал, что такое любовь, если не считать некоторого сердечного трепыхания на пару месяцев, сопровождавшего его первую связь – ему было 15, ей 26, она увидела его в каком-то из Домов и увезла к себе...

Все кончилось разом, когда умерла его мать. Он не знал, как он любил ее, пока она была жива. Она была рядом – как воздух, как вода, как первоочередная, но всегда насыщаемая потребность. Когда ее не стало, он понял, что источником его душевного равновесия, его внутренним комфортом, его самосознанием, в котором он был уверенным в себе и счастливым человеком, была его мать. Матери не стало, и пустота обрушилась на Алекса горным обвалом и подмяла его.

Депрессия длилась два года и была отягощена депрессией его отца. Они оба потеряли равновесие, которое держалось в их жизни на этой милостивой женщине, учительнице по образованию, работавшей, впрочем, всего лишь несколько первых лет после института... «Исчез светоч нашей жизни», – говорил отец, напиваясь на табуретке на кухне, и неловкость этой высокопарной фразы еще больше ранила Алекса.

Женщины и девушки, крутившиеся вокруг него, толпой бросились сочувствовать, утешать, убаюкивать, давать ему свою любовь взамен потерянной материнской – будто ринулись соревноваться, кто нежнее и заботливее... Может быть, они почувствовали, что это их шанс завоевать неуловимого Алекса окончательно? Как бы то ни было, они ошиблись. Алекс не нуждался в сочувствии и утешении. Алекс не нуждался в том, чтобы кто-то пытался заменить ему мать. Он оборвал все свои связи, все свои приключения, все свои влюбленности разом.

Он ринулся как одержимый в творчество. Он учился. Он жил как монах. Пара-тройка друзей, творчество, отец – на этом замыкался круг его жизни.

Спустя несколько лет он с не меньшей одержимостью бросился в дела управленческие, организаторские – открылось новое дыхание, новые таланты. Он основал издательство – папа был тогда еще жив и помог связями – и с энтузиазмом принялся строить свое дело.

Вот эта одержимость и стала знаком, под которым он прожил всю свою жизнь почти до сорока лет. Конечно, он давно не жил по-монашески, у него были женщины – время от времени кому-нибудь да удавалось затащить Алекса в постель и в отношения. Но он привык воспринимать весь женский род как амазонок-охотниц, только в отличие от древних воительниц – охотниц за мужчинами. Посему он все с той же ловкостью, натренированной в юности, рано или поздно отделялся от претенденток на свою руку и сердце. Ухаживать за женщинами? Это казалось Алексу чем-то вроде атавизма, безвозвратно ушедшего в прошлое. Ныне наступил век эмансипированных дам, расталкивающих мужчин во всех сферах деятельности, теснящих их даже из классического ритуала ухаживания. Теперь женщины не выходят замуж – теперь они берут себе мужей, был убежден Алекс. Но роль мужа при амазонке вовсе не прельщала его... Да и вообще семья – зачем она Алексу? Свободен, успешен, обеспечен, располагает собой и своим временем, как хочет... Женщины у него и так есть, так что сексуальная сторона жизни тоже в полном ажуре...

Возможно, он бы пошел на такие жертвы, если бы полюбил. Загвоздка же была именно в том, что ему так и не удалось влюбиться.

Но дело шло к сорока, и – общественное мнение, что тут сделаешь! – оставаться холостяком уже было неприлично и подозрительно. Алекс стал обдумывать, как бы такую найти, чтобы была необременительна в семейной жизни и не скучна в общении...

И тут появилась Алина.

– В новом здании, – продолжал Алекс, – не было своего буфета, и на обед все сотрудники ходили в ближайшие кафе или ели на месте бутерброды. В тот день я ушел пораньше, один, чтобы наскоро перекусить и вернуться побыстрее в кабинет – мне предстояла важная встреча. Я спустился в вестибюль и увидел Алину в стеклянных дверях, она как раз входила. Ничего

особенного в ней я не нашел – по крайней мере, в тот первый миг, – и так бы она и прошла мимо меня, если бы...

Если бы она, уставившись отчего-то испуганно на меня, не замешкалась на мгновение. Спohватившись, она так неловко толкнула тяжелую дверь, рванулась – слишком рано, дверь еще не успела открыться, – что стукнулась лбом о стекло. Она замерла, потом выскочила, но у нее прищемило дверьми сумку и упали очки – дверь их смяла. Она страшно растерялась, смутилась, покраснела, стала пытаться все это поднять – я даже испугался, что ее сейчас дверьми задавит, и кинулся ее вытаскивать. Вытащил сначала ее, потом ее сумку, потом то, что осталось от очков. «Сожалею», – сказал и протянул ей свой улов. А она... Она смотрела на меня своими огромными близорукими глазами и улыбалась так, знаете, легко и смущенно немного. Меня поразили эти глаза, их цвет. Прозрачные и глубокие... Я спросил, могу ли я ей чем-нибудь помочь. А она меня в ответ спросила, как пройти в кабинет к главному: она, оказывается, пришла по объявлению – наниматься ко мне в секретари! Представляете?

Кис представлял. Фотография Алины, очень хорошо выполненная, стояла на письменном столе ее мужа: тонкое акварельное лицо с озерными глазами смотрело с полуулыбкой прямо на Алексея... Чего ж тут не представлять!

Мурашов улыбался своим воспоминаниям.

– Я даже не раздумывал, я сразу понял: надо ее уводить. Уводить, пока она не стала моей секретаршей, – нет ничего пошлее, чем жениться на собственной секретарше!

Я ей что-то наврал, что главного сейчас нет – меня то есть, но она не знала, что я – это он, – что главный уехал в командировку и что лучшее, что она может сделать в данный момент, – это согласиться пообедать со мной.

Она согласилась. Расспрашивала меня о специфике работы в издательстве, о том, что предстоит ей делать, если главный редактор ее наймет... Потом мы ужинали. Потом мы снова обедали и снова ужинали. Я ее всячески охранял от ее собственных попыток получить место в моем издательстве. Мы гуляли, мы ездили на пикник, мы ходили в кино, в театр, я за ней страшно ухаживал. Кажется, я в первый же момент почувствовал, что уж если мне суждено жениться, то лучше всего на этой девушке. В ней было что-то необычное. Нестандартное. Смешное. Красивое. Такой неловкий ангел... И, главное, в ней не было этой дешевки, она не заглядывала с надеждой в глаза, не изображала на своем лице полную готовность, не пыталась набить себе цену, не тщилась обворожить... В ней было достоинство человека, который сам намерен устраивать свое счастье и ни от кого ничего не ждет. Разве что алых парусов, как Ассоль...

– И вам захотелось выступить в роли принца?

– Признаться, да. Захотелось.

– Облагодетельствовать?

– Это плохо?

– Собственно... Нет, почему же... Только это не совсем то же самое, что любовь с первого взгляда.

– Намек? – нетрезво усмехнулся Алекс.

Кис сделал удивленные глаза:

– Помилуйте, какой намек?

– Вот какой: мол, этот жест я для себя сделал, свое тщеславие потешил. А хоть бы и так!

Любовь для других только у святых бывает. Мы все любим для себя. Вы не согласны?

Кис спорить не стал. «Романтическая история! – мысленно проворчал он. – И чего тут романтического? Выбрал подходящую кандидатуру на вакантное место жены – вот и вся романтика!»

– Короче, – продолжил Мурашов, не дожидаясь ответа, – две недели я врал про командировки, а когда врать стало уже невозможно – она нервничала, что упустит место, – я ей

предложил выходить за меня замуж. Она согласилась. Вот и все, собственно. О том, что я – это и есть ее потенциальный работодатель, она узнала только перед нашей свадьбой.

– Она не обиделась на вашу уловку?

– Нет, смеялась.

– Эта фотография... Я могу ее взять? Или другую какую-нибудь, где она хорошо видна...

– Я вам дам. Другую.

Александр снова налил себе коньяку и предложил жестом Кису. Тот отказался.

– Вам тоже не стоит, – сказал Кис. – Вам нужно поспать немного. Вы ведь на работу должны идти, не так ли?

Мурашов помотал головой и выпил свой коньяк залпом.

– Нет, – он поставил рюмку на стол со стуком, – я никуда не пойду. Я буду звонка ждать.

От вымогателей.

– Боюсь, что вы его не дождетесь... Так вы мне ничего не можете рассказать о прошлой жизни вашей жены?

– Нет.

– Послушайте, Мурашов, если вы что-то скрываете... Вы хотите, чтобы я нашел вашу жену или нет?

– Незадолго до свадьбы я ее спросил: «Ты хочешь мне что-нибудь рассказать о своем прошлом?» Она задумалась. А потом говорит: «Нет». Ну, я больше спрашивать не стал. Я находил это неприличным.

Ну да, у«ангелов» биографию не спрашивают! Да только была ли ангелом Алина Дементьева, вот что интересно!

– Вот как? – сухо спросил Кис. – А если бы оказалось, что она преступница, только из тюрьмы вышла?

– Я в это никогда не поверю. Что в ее короткой жизни могло быть? Разве что мелкие грехи, которые есть у каждого. А я, знаете ли, не любитель копать в...

Александр замолчал, не закончив фразу, и внимательно взглянул на Кису.

– Скажите, вы испытываете ко мне неприязнь?

Кис растерялся. Это была правда.

Он не любил таких: квартира – в наследство, дача – в наследство, связи, которые практически все определяют в успехе дел, – в наследство, даже приятная наружность, которая так нравится женщинам, – и та в наследство! Манеры и образование – тоже родительский капитал, а что ты сам-то? Жизнь – как розовый надушенный платочек, а чуть столкнулся с ее неприглядной стороной – и в кусты: не верю! Он и жену-то свою как следует не расспросил, кто она да что! Демократизм? Деликатность? Как бы не так: просто боялся узнать что-нибудь нерозовое, ненадушенное. А оно там есть, носом чую! – злился Алексей. Ангел ему, видите ли, зандобился вместо жены! Да только ангелы не сбегают от мужей по ночам...

– Это необходимо обсуждать? – ответил он сухо вопросом на вопрос.

Мурашов подумал.

– Ну что ж, это род ответа, – произнес наконец Алекс. – Вам это не мешает работать?

И Кис с изумлением почувствовал, что краснеет.

Глава 10

Ее разбудил звук ключа, повернувшегося в замке. В окно пробивался яркий утренний свет. На лестнице стоял Филипп и смотрел на нее.

– Вставай, – негромко сказал он, когда их глаза встретились.

Аля послушно встала. Ей было холодно.

– Пойди умойся.

Избегая его взгляда, Аля спустилась. «Удобства» были во дворе. Филипп молча выпустил ее из дома и двинулся за ней. Не доходя до туалета, Аля обернулась:

– А в туалете дверь можно закрыть? Или ты боишься, что я сбегу через выгребную яму?

Он не улыбнулся на дерзкую шутку и ничего не ответил.

Проводив Алю обратно в дом, он показал ей умывальник в закутке возле кухни.

Она пустила холодную воду – другой не было – и подставила под нее свои ледяные руки. Ее бил озноб.

Выйдя из кухни, Аля притаилась в маленьком сумрачном коридорчике, разглядывая Филиппа – он был ей хорошо виден на солнечном свету, заливавшем большую комнату. Он все так же, как и четыре года назад, носил длинные волосы, схваченные в хвост на спине, но теперь его льняные волосы потемнели, подернулись пеплом, стали жестче; жестче стали и черты его лица. Голубые глаза его, напротив, будто выцвели, сделались совсем светлыми и непрозрачными. Его рот, мягкий и безвольный детский рот, рот сластены и неуправляемого шалуна, по-прежнему контрастировал с тяжелым суровым подбородком, в котором давала себя знать примесь эстонской крови. За эти четыре года он возмужал, раздался в плечах и вроде даже вырос. Он был в шортах, в черной майке без рукавов, под его бронзово-красной, обожженной первым загаром кожей, покрытой густыми светлыми волосками, ходили мускулы, которые он явно выставлял напоказ.

Филипп заметил, что Аля его рассматривает, и немного смутился.

– Поешь. Я чайник вскипятил. Тут есть кофе растворимый, будешь? – проговорил он.

На столике в кухне стояла банка с импортным кофе, надтреснутая голубая чашка и сковорода с поджаренными в масле кусочками белого хлеба. Аля кивнула головой и прошептала: «Спасибо».

– Скоро Марго приедет, так что ешь. Потом времени не будет.

Аля размешала кофе в чашке, добавила сахара, взяла остывшую жирную гренку со сковородки... Она отвыкла от этой еды, но когда-то – боже мой, как это было давно! – когда-то любила, и Филипп готовил ей часто по утрам, ему нравилось готовить ей завтрак...

Они пили кофе молча. Аля смотрела в свою чашку. Филипп смотрел на Алю.

Наконец Аля подняла глаза.

– У меня нет таких, – ее голос сорвался, и она откашлялась, – денег.

– Не надо, Аля, – сказал Филипп. – Не надо, не начинай все сначала.

Аля замолчала. Она смотрела, как Филипп допивает кофе, и вдруг сказала:

– Как, по-вашему, я буду расплачиваться в магазине? Кредитной карточкой? – Ее голос окреп, ее озноб прошел, ее щеки порозовели, и теплота кофе разлилась по всему телу.

Филипп удивленно посмотрел на нее:

– Ну да... А как же еще?

– Так вот, в плане у Марго есть один просчет! – торжествующе проговорила она.

Филипп внимательно глянул на нее, словно проверяя на слух ее интонацию.

– Какой? – спросил он без всякого выражения.

– Мне никто не продаст бриллианты на такую сумму по кредитной карточке. Нужен заверенный чек.

– Что это такое – заверенный чек?

– Когда покупка на крупные суммы, то требуется чек, в котором банк заверяет, что клиент располагает такой суммой на своем счету. И у Картье его обязательно потребуют.

Аля до некоторой степени блефовала. Когда они были в Париже, Алекс, покупая ей золотой браслет за наличные, заметил, что нет ничего лучше наличной формы оплаты, пояснив мимоходом, какие трудности ждут того, кто вздумает оплачивать подобные покупки банковской карточкой или чеком. Объяснения Алекса Аля помнила смутно, тем более что дело было в Париже, и каковы порядки этой фирмы в Москве, где они делали покупки также за наличные, она не представляла; но полагала, что такие же, и оттого рискнула.

У Филиппа на лице отразилось сомнение.

– Расскажешь это Марго. Я в этом ничего не понимаю, – сказал он сухо.

Аля допила свой кофе. Оставшиеся двадцать минут они провели в молчании.

Марго влетела оживленная и веселая.

– Ага, встали, даже кофе попили, я смотрю. Молодцы! Ну, здравствуй, подружка! Хорошо спала? – Марго расцеловала ее в обе щеки.

Аля не ответила. Она смотрела на Марго, удивляясь, что за предыдущие несколько встреч не заметила того, что ей бросилось в глаза теперь, на безжалостно ярком свету утреннего солнца. Ее черные кудри все так же вились, ниспадая роскошной волной с плеч, ее черные глаза все так же горели, но в них появился лихорадочный отблеск, под глазами легли синюшные одутловатые тени, на скулах пятнился нездоровый румянец. «Здорово она пьет, должно быть... Или наркотики? – подумала Аля. – Жаль».

– Что молчишь? Свое колечко ждешь? На, забирай. Как обещала. Мне чужого не надо!

«Чужого, – усмехнулась Аля, надевая свое кольцо. – А полмиллиона, должно быть, твои... Ищет ли меня Алекс? Что думает о моем исчезновении?..»

– Ну что, поехали? – вернула ее к действительности Марго.

– Она тут что-то про чек говорила... Спроси ее, Марго, я ничего не понял, – буркнул Филипп.

– Что еще? – вскинулась Марго. – Давай скорей, все ждут.

У входной двери действительно топтались Антон с Геной.

Едва Аля закончила объяснения, как Марго взорвалась:

– Ты уж не знаешь, что и выдумать! То денег нет, теперь и кредитная карточка не годится! Ты мне сама сказала, что вы все покупки делаете у Картье – вы постоянные клиенты, вас там знают! Кто же посмеет унизить своего постоянного клиента подобным недоверием? Не такие ведь фирмы, как Картье, правда же?

– Во-первых, не такие уж мы постоянные клиенты, не каждый же день Алекс мне драгоценности покупает! А во-вторых...

– А во-вторых, – перебила Марго, – никаких заверенных чеков не существует! Я же тебе сказала, Аля: не ври! Я в банк ходила и все разузнала: покупки делаются либо за наличные, либо по карточке. И все. Никаких чеков.

– Допустим... – Аля немножко растерялась, но тут же взяла себя в руки. – Допустим, от меня не потребуют заверенный чек. Но они все равно проверят! Они возьмут кредитную карточку и сделают потихоньку звонок в банк, чтобы убедиться в моей кредитоспособности. И когда они увидят, что у меня такой суммы нет...

– Врушка!

– То они вызовут милицию. Потому что попытка купить драгоценности под необеспеченный счет – это почти то же самое, что воровство...

– Ты блефуешь! – вне себя от ярости кричала на нее Марго, нависая над ней так, что ее черные волосы неприятно лезли Але в лицо.

– Хорошо, – рассердилась Аля, отмахнувшись от черных прядей Марго. – Пошли! Сама увидишь. Мне-то что, собственно! Пошли!

Она вскочила со стула, всем своим видом выражая готовность.

Но Марго, против ожидания, села, уставясь на Алю.

– Что сидишь, пошли, говорю! Я согласна. Кстати, где моя сумка?

– Правда, что ли, будут звонить в банк?

– Правда. Где моя сумка?

– Если папашка поднял тревогу, то банк может сообщить ему о звонке из ювелирки, – подал голос Антон.

– Вряд ли, – высказался Гена. – Милиция ее искать не станет, а Мурашов сам вряд ли додумается предупредить банк.

Компания затихла, обдумывая ситуацию. Алина наконец увидела сумку на столе и хотела было ее взять, как вдруг Марго вскочила и, опередив Алю, дернула сумку к себе.

Аля удивилась:

– Отдай мне сумку, Марго, зачем она тебе?

Марго перевернула сумку и высыпала ее содержимое на стол.

– Ты что, наличные ищешь? Там немного, на бриллианты не хватит.

Антон, углядев среди разных мелочей цветной пакетик с гигиенической прокладкой, развернул ее и наклеил клейкой стороной Гене на лоб:

– Теперь ты у нас, Гена, будешь с крылышками!

И, разумеется, заржал. Гена недовольно поморщился и, сдернув с лица прокладку, смял ее и швырнул в угол. Антон развеселился пуще прежнего.

– Слушай, а пидоры еще прокладками не начали пользоваться? – давился он от смеха. – У вас месячные из ж...ы не текут?

Марго послала Антону нежную улыбку, оценив утонченную шутку, и весело повернулась к Але.

– Я наличные не ищу, – сообщила она Але, – я их уже вчера нашла. Что правда, то правда, на бриллиант там не хватит! Но на наш вчерашний ужин хватило! – засмеялась она. – Скажи-ка, ты мне правду сказала про звонок в банк?

– Конечно, правду!

– Ну и хорошо. Я кое-что получше придумала! – С этими словами она выдернула из кучи разных бумаг и косметичек кредитную карточку Али и победно помахала ею в воздухе. – Вот! Мы сейчас едем к первому же банкомату, и ты снимаешь всю сумму наличными!

Антон разулыбался. Должно быть, он находил Марго необыкновенно сообразительной.

Аля повернулась и направилась к стулу. Марго проводила ее непонимающим взглядом.

– Чего уселась? – грубо спросила она Алю.

– Из этого тоже ничего не получится, – ответила она.

– Что ты опять придумала? – накинулась на нее Марго. – Что опять не так?

– Во-первых, такие деньги нельзя получить в банкомате, он выдает только ограниченные суммы; а во-вторых, у меня там нет такой суммы! И автомат просто проглотит мою карточку, если мой счет не обеспечен! Ведь банкомат подсоединен к компьютеру, а компьютер все знает...

– А у тебя там таких денег нет, – язвительно сказала Марго.

– Да пойми ты, Марго, это невозможно! Твой план никуда не годится!

– Заткнись! – зло бросила ей Марго. – Надоела! И то не так, и это не этак! Не держи меня за идиотку, ладно? Ты все врешь, только чтоб денег не давать!

– Хорошо, вру. Пошли, Марго.

Аля действительно решилась. Пусть, в конце концов, автомат проглотит карточку – какая ей, в сущности, разница? Она согласна на все, что угодно, лишь бы выбраться с этой дачи, вернуться в Москву! Может, в городе ей удастся сбежать от шальной компании, попросить помощи у прохожих, позвать милицию? Надо было сразу это сообразить и согласиться!

Марго все это время, не двигаясь с места, внимательно наблюдала за лицом Али.

– Значит, у тебя нет такой суммы? А сколько у тебя есть? – впивалась Марго глазами в ее лицо.

– Не знаю точно. Около десяти тысяч, может, восемь или девять, – устало ответила Аля.

– Твой муж, значит, бедный? А дачку в три этажа, которая стоит не меньше миллиона баксов, получил в подарок от партии и правительства? И «БМВ» в придачу? И бриллианты, которые он тебе дарит?

– Почему? – не поняла Аля. – Он купил это все сам, на заработанные деньги. На дачу, правда, Алекс кредит брал в банке...

– И разорился?

– Нет... Отчего же...

– Так что ты мне тут заливаешь, что на вашем счету денег нет?!

Алина наконец поняла, чего от нее добивается Марго.

– Это на нашем – нет. На нашем общем счету.

– И где же твой муж хранит свои денежки?

– В банке, разумеется... Только на другом счету. Отдельном. И этот счет только на его имя, я не могу оттуда снимать деньги.

– Ты мне голову морочишь, да? – бросила испытующий взгляд Марго.

– Слушай, Марго, я тебе уже предлагала: поехали в банк, я тебе покажу свои счета. Или – хочешь, я в банке сниму все, что там есть, и отдам тебе? И ты меня отпустишь.

Марго, не шевелясь, смотрела на нее.

– Марго?

Марго словно застыла.

– Марго? Ты меня слышишь? Я тебе предлагаю все деньги, которые у меня есть на счету.

«Что я говорю? – с ужасом подумала Аля. – Что я делаю! Если она согласится, деньги придется заказывать, такую сумму не выдадут сразу... Сегодня пятница, значит, придется ждать до следующей недели, в лучшем случае до понедельника – они меня не отпустят до понедельника! Нет, нет, это тоже не годится!»

– Или, лучше, давай, я тебе куплю бриллиант на те деньги, – торопливо заговорила она вслух, – которые у меня есть на счету. Это, конечно, не то же самое, что за сто тысяч, но тоже очень красивый...

Марго по-прежнему не произносила ни звука и задумчиво смотрела на Алю.

– Лучше, чем ничего, правда? – продолжала убеждать ее Аля.

– Хуже, – вдруг сказала Марго. – На кой ляд нам твои восемь тысяч? Мы их прогуляем в три месяца... Фил, сделай-ка нам всем кофейку, – распорядилась она. – А вы что там столпились? – обратилась она в сторону дверей. – Не видите, как дело повернулось? Сядьте. Мотай в свои апартаменты, – это уже к Але, – подождешь, нам надо кое-чего обсудить.

Делать было нечего. Аля пожала плечами и отправилась на чердак.

– Можно, я окно открою? – спросила она, поднявшись.

– А? Что? – подняла сосредоточенное лицо Марго.

– Окно можно открыть? А то мне Филипп запретил...

– Открывай, – отмахнулась Марго. – Если выпрыгнешь – ноги переломаешь.

Глава 11

Бреясь, Кис обдумывал план действий. Заглянуть в книжный клуб, расспросить: вдруг романчик на стороне проклюнется? Опросить соседей по даче, хотя шансов немного: в дачных поселках люди живут в пределах своих участков, и заборы разъединяют обитателей дач с прочим неспящим миром... Проверить благотворительные общества, с которыми имела дело Алина: вдруг все же кто-то приезжал забрать вещи; поискать такси, на случай если она все-таки вызвала такси.

Он дал распоряжения своему помощнику Ване, хотя и то, и другое представлялось Алексею столь маловероятным, что вряд ли стоило тратить время на проверку: факт, что Алина организовала свой уход из дома, был очевиден. Никто ее не похищал, и никакие вымогатели Мурашову не позвонят. Ясное дело, «честный» Мурашов крутит дела и теперь боится, что что-то сделал не так или не вовремя – и его «партнеры по бизнесу» решили его наказать и припугнуть: похитили его жену – вот чего он боится. Но на самом деле все куда проще и тривиальней: его «ангелочек» махнул крылышками и упорхнул. Вот куда и почему – другой вопрос.

Масло на дороге... Если не такси (а я уверен, что это не такси) – то кто? Какая другая машина – старая машина с протекающим баком – увезла Алину и кто был в ней за рулем? Бывший любовник?

Ладно, этим займемся позже. Пока что у Киса в планах были два визита: к Всеволоду Владимировичу, то бишь заместителю Мурашова Севе, который пытался навести справки о секретаре-охраннике, и к подруге детства Кате.

Но первым делом Кис, освежившись душем, занялся проявлением оттиска письма, оставшегося на чистой бумаге. Письмо, несомненно, было написано Алиной и могло оказаться важным для расследования. Кис настрогал лезвием грифель карандаша и растер его пальцем по поверхности белого листка. Проступили буквы.

Когда он прочитал текст, то даже рассмеялся: можно никуда больше не ходить, можно спокойно лечь спать. Все стало ясно, как белый день: «...разойтись, дав друг другу свободу и тем самым шанс быть счастливым, то есть любить и быть любимым».

Бедняга Мурашов. Это будет удар для него. Позвонить ему? Нет, сначала поспать немного. Потом, на свежую голову.

Алексей растянулся на кровати.

«Что-то в этом не то», – сквозь наплывающий сон подумал он вдруг. Письмо не закончено и не подписано. И не оставлено. И в мусорной корзинке письма нет. Значит, Алина забрала его с собой. Передумала? Решила избежать любых объяснений с мужем, даже посредством письма? Могла передумать, конечно. И все же человек, который так старательно пытался объяснить свое поведение, решил не объяснять вообще ничего? Кто знает... Но что-то тут царапается.

Есть в этой истории еще какие-то мелочи, совсем мелкие мелочи, которые тоже царапаются.

Сначала разорванное письмо от неизвестного (или неизвестной) – тому два месяца. Задумчивость, которую заметила домработница. Допустим, это прежний любовник объявился...

И еще что-то, что он сейчас сообразить не может. Но оно есть, это «что-то»... Надо навестить ее подругу. Кто знает, может, там, у этой Кати, и Алина обнаружится...

Кис поставил будильник и мгновенно заснул.

Было бы явным преувеличением сказать, что короткий сон его освежил. Голова была ватной. А настроение – плохим. Он никак не мог найти свой обычный тонус в работе, то энер-

гичное, сдержанное возбуждение, в котором его помощник Ваня называл Алексея «Кис в сапогах», имея в виду сапоги-скороходы.

Ему не нравилось дело Мурашова. В нем было что-то странное, тяжелое. Без всякого энтузиазма он набрал номер дачи. Новостей у Мурашова не имелось, ни «вымогатели», ни жена ему не звонила. Поколебавшись, Кис сообщил ему содержание неоставленного письма.

– Этого не может быть, – сказал Александр. – Она не могла меня бросить. Она не могла от меня уйти. И потом, у нее нет для этого причин. Она меня любит. И у нее никого нет, кроме меня. И ничего, кроме того, что я ей дал.

– Тем не менее это так. Это почерк вашей жены, поверьте мне. И она писала это письмо вам. Только по каким-то причинам она его не оставила.

Мурашов замолчал надолго.

– Очень хорошо, – сказал он наконец невпопад.

– Вы хотите, чтобы я продолжал расследование? – спросил его Кис.

Мурашов не ответил.

– Меня кое-что настораживает во всем этом. Мелочи, но мне бы хотелось их прояснить. Я бы вам предложил продолжить.

– Очень хорошо, – снова некстати заявил Мурашов. – Продолжайте.

Голос у него был странный. Словно автоответчик. «Что-то неладное с ним происходит. Должно быть, это хорошенькая оплеуха по его спеси».

Всеволод Владимирович оказался весьма подвижным, невысоким и крепким, как боровичок, мужчиной лет пятидесяти. У него был тот неразборчивый цвет редких волос, который встречается у поседевших блондинов, и пронзительные голубые глаза. На маленьком треугольном подбородке сидел смешливый, проказливый рот, делающий его лицо мультяшным, рисованным.

– Что, не понравился вам Гоша? – ошарашил он Киса вопросом, едва Алексей изложил суть своего интереса.

Алексей посмотрел на смеющийся рот и ответил осторожно:

– Не в восторге.

– Скользкий тип, это верно. Я действительно наводил о нем справки, но ничего существенного не накопил. До стоянки, куда он устроился охранником, он работал в ларьке, продавал сигареты, кофе и прочую якобы импортную лабуду, сделанную в Чимкенте и других не столь отдаленных местах... Он там поссорился – недостача вышла, ему пришлось платить, и Гоша решил уйти из опасной системы, где хоть зарабатывал он побольше, но и терял немало, а главное – рисковал многим. Отчего вышла недостача – иди знай, может, обсчитался, может, денежки прикарманил. То есть, может, честный человек, а может – вор... Поговорил я с мужиками, его знавшими, – рассказали, что Гоша сроду в Чечне не служил, где-то отирался в стройбате, сумел справочки нужные достать. Но это тоже с чужих слов, не по документам. Документы нынче никакого доверия не вызывают, если вообще есть. Трудовые книжки, например, теперь далеко не все имеют... Раньше порядка было больше, а?

– При тоталитарных системах всегда порядок, – неохотно буркнул Кис: не хватало еще политических дебатов!

– Эх какой детектив нынче пошел образованный! – с легкой ехидцей хихикнул Всеволод Владимирович.

– Больше ничего не удалось узнать о нем? – проигнорировал его смешок Кис.

– Нет. Я же не ФБР и не ФСБ, у меня возможности маленькие... Но я Алексу все же сказал. Хоть Гошка и по мелочи соврал, но соврал, может, лишь для того, чтобы цену себе набить, что вполне извинительно, – а все ж соврал.

– И что Мурашов?

– Конечно, Алекс счел, что все это мелочи, недостойные внимания. В этом весь Алекс: психолог он паршивый, а желание быть хорошим, никого не обидеть в нем сильнее всего...

– По вашему мнению, Алина могла решить от него уйти?

– Противный тип этот Мурашов, а? – Неожиданно смеющийся рот изогнулся в хитрой, аппетитной улыбке, а голубенький глаз заговорщически подмигнул.

– Какая разница? Нравится – не нравится, спи, моя красавица... Алекс Мурашов – мой клиент. И значения не имеет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.